

Богдан Занозин

КНЯЗЬ
МЁРТВОГО
ГОРОДА

Богдан Занозин

Князь Мёртвого Города

«Автор»

2026

Занозин Б. С.

Князь Мёртвого Города / Б. С. Занозин — «Автор», 2026

Ему завещали мёртвый город. Проблема в том, что мёртвые там всё ещё живут. Пять тысяч жителей. Сорок семь лет после магической катастрофы. Разрушенное княжество, огромные долги и древний механизм, без которого население Вороньегграда может исчезнуть окончательно. Алексей Воронцов привык исправлять ошибки в государственных отчётах, а не спасать людей от второй смерти. Но теперь каждая его подпись меняет судьбу города. Продать землю — обречь мёртвых на неизвестность. Восстановить княжество — разбудить старые тайны. Открыть архивы — узнать, какую цену заплатили Воронцовы за собственное спасение. А потом выясняется худшее: система, которая сорок семь лет сохраняла мёртвых, больше не вечна. Теперь новому князю придётся решить не только, как спасти город. А имеет ли он вообще право решать за тех, кто в нём остался.

© Занозин Б. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний Воронцов	5
Глава 2. Цена титула	14
Глава 3. Первый подданный	23
Глава 4. Дорога мёртвых	29
Глава 5. Руины	32
Глава 6. Окна	40
Глава 7. Население	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Князь Мёртвого Города

Глава 1. Последний Воронцов

В день, когда Алексей Воронцов стал наследником княжества, он проверял чужую ошибку в налоговом реестре. Ошибка стоила казне сто восемьдесят семь рублей и сорок копеек.

Он нашёл её между двумя одинаковыми строками, обвёл карандашом и только после этого заметил посыльного у двери.

Мальчишка в серой куртке стоял прямо, хотя заметно запыхался. На рукаве блестела латунная бляха канцелярской службы.

– Алексей Сергеевич Воронцов?

– Да.

Посыльный протянул конверт. На сургуче был герб, который Алексей видел чаще на старых бумагах, чем в жизни: ворон над тремя башнями.

Он расплатился с мальчишкой, дождался, пока дверь закроется, и снова посмотрел на конверт.

Старшая ветвь рода почти не имела отношения к его жизни. После смерти отца Алексей получал от дальнего родственника одно письмо в год. Обычно в январе. Там были поздравление с Рождеством, две строчки о здоровье и подпись: «князь Сергей Павлович Воронцов». Ни приглашений, ни денег, ни семейных признаний.

Последнее письмо пришло восемь месяцев назад.

Алексей разрезал конверт канцелярским ножом.

«Господину коллежскому регистратору Алексею Сергеевичу Воронцову надлежит явиться к поверенному княжеского дома...»

Он прочёл дальше, вернулся к началу и прочёл второй раз.

Сергей Павлович умер три дня назад.

Похороны уже состоялись.

Алексей оказался ближайшим наследником по мужской линии.

Он положил письмо рядом с реестром и некоторое время смотрел на два листа. На одном сто восемьдесят семь рублей и сорок копеек. На другом целое княжество, о котором не было ни одной цифры.

Это раздражало сильнее самого известия.

С соседнего стола Михаил Лебедев поднял голову.

– У тебя такое лицо, будто ты нашёл ещё одну дыру в казне.

– Нашёл.

– Большую?

Алексей протянул ему письмо.

Михаил дочитал до середины и тихо присвистнул.

– Князь Воронцов.

– Пока ещё нет.

– Здесь написано, что ты наследник.

– Наследник и владелец не одно и то же. Сначала надо принять имущество.

Михаил перечитал последнюю строку.

– У тебя есть имущество, от которого ты можешь отказаться?

– У любого имущества есть причина, по которой от него отказываются.

– Даже от княжества?

– Особенно от княжества.

Михаил усмехнулся, но письмо вернул уже без шутки.

Алексей сложил его, убрал во внутренний карман и дописал служебную отметку в реестре. Сто восемьдесят семь рублей сорок копеек никуда не делись из-за смерти дальнего родственника.

Начальник отдела принял просьбу уйти раньше без радости. Алексей не стал объяснять больше, чем требовалось. Через полчаса он уже шёл по набережной к конторе поверенного.

Осенний дождь закончился недавно. Камень блестел, в канавках стояла мутная вода. Над рекой тянулся пар. У подъезда торгового дома спорили грузчики, из окна кофейни пахло жареными зёрнами. Город жил привычно, и от этого письмо в кармане казалось ещё менее правдоподобным.

Контора занимала второй этаж старого дома. Табличка на двери гласила: «Присяжный поверенный И. П. Арсеньев».

Арсеньев оказался невысоким мужчиной лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой. Он встретил Алексея без соболезнований и сразу попросил документы.

Это понравилось Алексею.

Поверенный сверил имя, дату рождения, запись о крещении и две выписки из родословной книги.

– Формально препятствий нет, – сказал он. – Вопрос в том, захотите ли вы вступить в наследство.

– Что в него входит?

Арсеньев посмотрел на него поверх очков.

– Я рассчитывал, что первым вопросом будет титул.

– Титул не платит по счетам.

– Иногда создаёт новые.

– Вот поэтому и спрашиваю.

Поверенный достал из шкафа толстую папку и положил перед ним.

Верхний лист содержал перечень имущества. Алексей пробежал глазами пункты: городской дом, находившийся под залогом; две небольшие земельные полосы; лесной участок; право на старый тракт; несколько долговых обязательств; архив рода; княжеское владение на восточной границе губернии.

Название последнего было вписано отдельно.

Мёртвый город.

Алексей поднял взгляд.

– Это официальное название?

– В кадастровых книгах он называется Вороньеград. Мёртвым его начали называть после катастрофы.

– Какой катастрофы?

– Магической. Сорок семь лет назад. Большая часть населения погибла, остальных эвакуировали. С тех пор постоянного живого населения там почти нет.

– Почти?

– Сторожевые посты на дальних подступах. Несколько семей в деревнях за старой городской чертой. Сам город считается опасной зоной.

Алексей перевернул лист.

– Доход?

Арсеньев назвал сумму.

Алексей решил, что ослышался.

– В год?

– Да.

– Это меньше дохода хорошей лавки.

– Поэтому я и предупредил о возможности отказа.

Алексей продолжил читать.

Долги рода превышали годовой доход владений почти в шесть раз. Часть была обеспечена городским домом. Две выплаты следовало сделать в ближайшие четыре месяца.

– Сергей Павлович жил на что?

– На остатки капитала и ренту от леса. Последние годы весьма скромно.

– Почему не продал Вороньеград?

– Покупателей не было.

– Землю вокруг?

– Юридически город и прилегающая территория связаны с титулом. Разделить их сложно. К тому же земля считается небезопасной.

Алексей отложил первый лист.

– Кто наследует, если я откажусь?

– Ближайшей мужской линии больше нет. Права перейдут короне с последующим разбирательством по женским ветвям. Это может занять годы.

– Долги?

– Останутся в наследственной массе. Лично вы за них отвечать не будете.

Вот оно.

Нормальный выбор выглядел просто: подписать отказ, вернуться завтра в казённую палату и продолжить жизнь, в которой самая неприятная сумма дня составляла сто восемьдесят семь рублей сорок копеек.

Алексей потянул к себе папку.

– Мне нужны выписки по доходам за последние десять лет. Отдельно расходы. Все договоры по дороге. Карта владения. Список залогов и сроки выплат.

Арсеньев помолчал.

– Сегодня?

– Лучше сегодня.

– Вы ещё не решили принимать наследство.

– Именно поэтому мне нужны цифры.

Поверенный улыбнулся краем рта.

– Сергей Павлович задавал вопросы иначе.

– Я его почти не знал.

– Он вас знал лучше, чем вы думаете.

Алексей поднял голову.

Арсеньев уже смотрел в папку.

– Что это значит?

– Только то, что ваше имя встречается в его бумагах. Ничего драматического. Старый человек следил за судьбой оставшихся родственников.

Ответ был вполне разумным. Алексей всё равно сделал мысленную отметку.

Арсеньев позвал помощника. На стол легли ещё три папки, потом карта.

Вороньеград стоял у старого торгового пути между двумя областями. Когда-то дорога пересекала реку по городскому мосту и уходила дальше через удобный перевал. После катастрофы движение перенесли на запад. Новый путь был длиннее почти на два дня.

Алексей измерил расстояние линейкой.

– Почему старую дорогу не восстановили в обход города?

– Земли болотистые. Мост и каменная насыпь были главным преимуществом маршрута.

– Мост сохранился?

– Насколько мне известно, частично.

– Кто это проверял?

Арсеньев искал глазами нужную бумагу.

– Последний официальный осмотр был девять лет назад.

– Кто его заказал?

Поверенный показал строку.

Сергей Павлович Воронцов.

Алексей перелистнул несколько страниц.

Через год после осмотра значилась оплата за доставку строительного железа к восточной границе владения. Потом закупка масла для механизмов. Потом плата двум рабочим за обслуживание дороги внутри опасной зоны.

Небольшие суммы. Регулярные.

– Вы сказали, город заброшен.

– Практически.

– Зачем тогда Сергей Павлович платил за масло и железо?

Арсеньев снял очки.

– Я веду его наследственные дела шесть лет. Эти расходы шли по старому распоряжению.

Он никогда не объяснял мне их подробно.

– Вы подписывали платежи.

– Да.

– И не спрашивали?

– Спрашивал. Он отвечал, что сохраняет имущество рода.

Алексей снова посмотрел на карту.

На бумаге Мёртвый город выглядел как пятно между рекой и горами. Через него проходила линия дороги.

Бесполезное владение вдруг оказалось менее бесполезным.

Но отказ перестал быть очевидным.

– Сколько у меня времени?

– По закону шесть месяцев. На практике у вас меньше. Первый крупный платёж через семь недель. Если наследство примете позже, кредиторы всё равно потребуют его в срок.

Алексей закрыл папку.

– Я заберу копии.

– Разумеется.

Арсеньев встал и подошёл к шкафу.

– Есть ещё одна вещь.

Он достал отдельный конверт без адреса. Сургуч был сломан.

– Сергей Павлович оставил его среди документов с пометкой «наследнику». Внутри только ключ и записка.

Алексей развернул короткий лист.

«Если наследство примет Воронцов, пусть сначала сам увидит город. Никаких решений о продаже до поездки».

Ни подписи, ни объяснений.

На стол лёг тяжёлый железный ключ. Старый, с потемневшими зубцами.

– От чего он?

– Не знаю.

Алексей подержал ключ на ладони.

Покойный родственник мог оставить нормальные сведения. Мог объяснить расходы, состояние моста, опасность территории. Вместо этого оставил одну фразу и кусок железа.

– У Сергея Павловича были странности?

– В последние годы он стал замкнутым. Но рассудок сохранял до конца.

– Причина смерти?

– Сердце. Врач был с ним. Никаких подозрительных обстоятельств.

К заключению прилагалась короткая справка: Сергей Павлович болел около месяца, а последние недели почти не вставал. Алексей попросил копию вместе с остальными бумагами.

Алексей убрал ключ в карман рядом с письмом.

Он не любил загадки, если их можно было заменить отчётом.

Но теперь отчёта не существовало.

К вечеру у него было пять папок, карта и семь недель до первого серьёзного платежа.

Этого хватало, чтобы считать.

По дороге домой Алексей зашёл в церковь, где на стене висела старая доска с именами благотворителей. Среди них был его дед, которого он почти не помнил. Рядом стояла фамилия Сергея Павловича.

Он задержался перед доской меньше минуты. Никакого семейного чувства не возникло. Скорее неприятное понимание, что род существовал задолго до его работы, квартиры и привычки обедать в одной и той же столовой.

Дома Алексей разложил копии по полу и начал с долгов. Отдельно выписал имущество, которое можно продать без ущерба основной земле. Потом доходы. Потом возможные риски.

В графе «Вороньеград» он сначала написал: «неизвестно».

Через час добавил: «старый тракт, мост, регулярные скрытые расходы».

Ещё через полчаса: «личный интерес покойного владельца».

Слово «скрытые» он зачеркнул. Расходы были официальными. Просто никто не объяснял их назначение.

Алексей не любил превращать незнание в подозрение.

Он раскрыл родословную книгу. Сергей Павлович приходился ему двоюродным дедом. Между ними стояло несколько умерших мужчин, которые при другой последовательности смертей наследовали бы титул раньше Алексея.

Теперь их не было.

Никакого мистического отбора. Туберкулёз, война, несчастный случай, отсутствие детей.

Это успокаивало: старик, похоже, не готовил именно его к наследству десятилетиями.

Ближе к полуночи Алексей нашёл в расходах ещё одну странность: раз в год Сергей Павлович заказывал копии старых городских карт, хотя новые практически не отличались. Оплата шла картографу в столице. В последнем году к обычным расходам добавились три срочные поставки магического стекла, медной проволоки и изоляционного масла; две пришлось на последние четыре месяца. В счетах стояло только: «восточная сеть, аварийный запас».

Зачем обновлять карту мёртвого города?

Он положил запись рядом с ключом.

К двум часам ночи лист с выводами выглядел проще:

1. Наследство убыточно при нынешнем состоянии.

2. Тракт потенциально способен изменить доходность.

3. Состояние тракта неизвестно.

4. Покойный владелец регулярно поддерживал Вороньеград и, вероятно, лично туда ездил.

5. До принятия решения нужно осмотреть город.

Последний пункт был единственным, в котором Алексей не сомневался.

Он лёг спать, оставив ключ на столе.

Утром первым делом проверил, на месте ли он.

Сам себе Алексей не смог объяснить, зачем.

На следующий день Алексей проверил ещё одну вещь: собственное право на фамилию.

В архиве дворянского собрания хранилась запись о боковой ветви Воронцовых. Отец Алексея когда-то отказался от части семейных претензий в обмен на небольшую выплату, но право наследования титула при пресечении старших линий сохранилось.

Писарь нашёл документ после долгих поисков.

– Редкий случай, – сказал он. – Обычно такие ветви исчезают в бумагах раньше, чем в жизни.

– Почему сохранили?

– Сергей Павлович присылал подтверждение каждые несколько лет.

Алексей поднял взгляд.

Старик следил за ним лично и поддерживал юридическую возможность наследования.

– Это стоило денег?

– Пошлины небольшие.

Ещё одна регулярная трата, которой не было бы без намерения.

Но намерение не означало мистический план. Старый князь просто понимал, что род может оборваться, и сохранял запасную линию.

Алексей забрал копию.

По пути домой встретил знакомого сослуживца. Тот уже слышал новость.

– Говорят, ты станешь князем.

– Говорят слишком быстро.

– Если станешь, возьмёшь меня управляющим?

– Ты вчера перепутал два налоговых округа.

– Тогда министром.

Шутка разошлась по отделу раньше возвращения Алексея.

К концу дня все смотрели на него иначе. Кто-то с завистью, кто-то с любопытством, начальник с раздражением человека, который может потерять сотрудника.

Титул менял отношения ещё до принятия. Алексей хотел, чтобы решения зависели от фактов; люди уже реагировали на символ.

Перед поездкой Алексей ещё раз перечитал записку Сергея Павловича: «Никаких решений о продаже до поездки».

Сам приказ раздражал.

Покойный человек пытался влиять на него после смерти, не объяснив причины.

Алексей мог проигнорировать просьбу. Юридической силы она не имела.

Он даже спросил Арсеньева об этом отдельно.

– Можете продать хоть завтра после принятия, если найдёте покупателя, – сказал поверенный. – Записка ничего не запрещает.

– Тогда зачем оставил?

– Потому что знал, что вы не любите решения без осмотра.

– Вы снова говорите, будто он меня хорошо знал.

– Он читал ваши служебные характеристики.

Алексей замер.

– Каким образом?

– Через знакомого в ведомстве. Ничего секретного: продвижение, отзывы, жалованье.

– Это нормально?

– Для старого родственника, который ищет возможного наследника, возможно.

Алексей испытал смесь раздражения и странной неловкости. Старик наблюдал за его жизнью издалека, но так и не попытался поговорить напрямую.

После нотариальной палаты Алексей заехал к тётке, у которой хранилась большая часть семейных бумаг их ветви. Варвара Сергеевна встретила новость без удивления.

– Сергей Павлович пережил всех, кого можно было пережить, – сказала она. – Когда-нибудь очередь должна была дойти и до нас.

Она вынесла старую коробку с письмами. Алексей никогда раньше не спрашивал о старшей ветви подробно. В семье о ней говорили редко. Богатства там давно не было. Титул считался пустым. Разговоры о городе взрослые прекращали при детях.

– Ты знала, что Сергей Павлович ездил туда?

– Знала, что ездил куда-то на восток.

– В Мёртвый город.

Тётка сняла очки.

– Тогда понятно, почему он просил меня ничего тебе не рассказывать.

Алексей замер.

– Когда?

– Лет пять назад. Мы встретились на похоронах твоего дяди. Он спросил, работаешь ли ты по-прежнему в казённой палате. Я сказала, что да. Он ответил: хорошо.

– И всё?

– Почти. Потом сказал, что если когда-нибудь тебе придёт письмо от его нотариуса, сначала посчитай долги.

Алексей рассмеялся: совет звучал слишком в характере человека, которого он почти не знал.

– Почему ты не сказала?

– Потому что он попросил.

– Причину назвал?

– Нет.

В коробке нашлась фотография Сергея Павловича двадцатилетней давности. Высокий, сутулый, с тяжёлым взглядом. На обороте чужой рукой было написано: «У южной заставы».

Заставу Алексей пока не узнавал.

Он забрал фотографию с разрешения тётки.

Дома вечером разложил всё, что имел, по полу. Долговые цифры. Карта. Расходы покойного. Фотография. Нотариальное уведомление.

Пока он видел только старика, который десятилетиями тратил деньги на официально пустое владение и заранее знал, что наследство может достаться Алексею.

Почему он не связался напрямую?

Вопрос он записал и отложил до новых данных.

Чем больше он читал, тем меньше титул походил на подарок. Но задача, которую никто не собирался решать за него, стоила риска больше, чем он хотел признавать.

В очередной визит в палату Алексей попросил дать ему час в архивной комнате. Мещерский сначала поднял бровь.

– Обычно наследники начинают с описи драгоценностей.

– В описи есть драгоценности?

– Нет.

– Тогда я ничего не пропускаю.

Архивная комната была тесной. Две стены занимали шкафы, третья карта губернии. Алексей попросил книги сделок по Воронцовскому княжеству за последние тридцать лет. Секретарь принёс три тома и счёт за копирование.

В книгах повторялась одна фамилия. Ланские.

Трижды представители соседнего княжества предлагали выкупить полосу земли вдоль старого тракта. Дважды речь шла о бессрочной аренде. Один раз предлагали обмен на два лесных участка и денежную доплату. Сергей Павлович отвечал отказом без объяснений.

Последнее предложение поступило шесть лет назад, когда старому князю уже было за семьдесят.

– Он был богат? – спросил Алексей у Мещерского.

– Последние годы жил скромно.

– То есть деньги ему были нужны.

– Всем нужны деньги.

– Тогда почему он не продал землю, которая ничего не приносит?

Мещерский пожал плечами.

– Я веду наследственные дела. Мы редко узнаём, почему люди годами держатся за плохое имущество.

Алексей перевернул следующую страницу. Там была доверенность на поездку в восточную часть владения, подписанная Сергеем Павловичем. Получателем значился человек, которого Алексей раньше не встречал: Семён Аркадьевич Ратников.

Доверенность была выдана девятнадцать лет назад.

– Кто такой Ратников?

Мещерский посмотрел в алфавитную книгу.

– По нашим данным, умер.

– Когда?

Секретарь нашёл запись.

– Во время катастрофы в Мёртвом городе.

Алексей ещё раз посмотрел на доверенность.

Она была выдана через двадцать восемь лет после смерти Ратникова.

Он попросил копию.

Мещерский впервые за разговор перестал выглядеть скучающим.

– Это ошибка реестра.

– Возможно.

– Вы собираетесь оспаривать действительность документа?

– Пока собираюсь понять, почему нотариус заверил доверенность на имя мёртвого человека.

Оказалось, документ заверяла частная контора, закрытая десять лет назад. Подпись Сергея Павловича была настоящей. Печать тоже.

Мещерский поднял старый нотариальный устав. До реформы конторы действительно удостоверяли волю доверителя и объём полномочий, а личность получателя проверяли только при его первом внешнем действии. Правило давно считалось плохим: в палате хранилось несколько дел о доверенностях на людей, умерших между выдачей бумаги и попыткой ею воспользоваться.

Позднее порядок изменили, но старые доверенности автоматически не отменяли. Это объясняло, как документ мог попасть в реестр. Не объясняло, зачем Сергей Павлович сознательно выбрал именно такую бумагу и кто пользовался ею после смерти Ратникова.

Вернувшись в палату, он получил список долгов. Большая часть тянулась с времён деда покойного князя. Некоторые обязательства давно можно было пересмотреть. Другие были защищены родовой печатью и переходили вместе с титулом.

Мещерский ткнул пальцем в последнюю строку.

– Вот это самое неприятное.

– Ежегодное содержание восточной дороги?

– Да.

– Дорога закрыта почти полвека.

– Обязательство сохранилось. По договору род должен поддерживать три моста и две заставы. Округ много лет не выставлял полный счёт, поскольку фактического управления там нет. Если вы официально вступите во владение, могут вспомнить.

Алексей провёл ногтем по цифрам.

– А если я откажусь?

– Родовая линия старшей ветви прекратится. Земля перейдёт в казённое управление. Ваш личный статус останется прежним.

Он ушёл из палаты с ощущением, что безопасный ответ почему-то требует больше усилий, чем рискованный. Вечером он снова открыл карту. Северный путь через Воронцовское княжество был почти на треть короче современной дороги через владения Ланских.

Старая таможенная ведомость сохранилась в архиве. До катастрофы по тракту проходило несколько сотен телег в месяц.

Алексей сделал грубый расчёт при нынешних ценах. Потом уменьшил предполагаемый поток втрое. Потом ещё вдвое.

Даже остаток выглядел значительным.

Если дорога существует.

Если мосты стоят.

Если город действительно пуст.

Последнее условие тогда казалось самым простым.

Глава 2. Цена титула

Следующие три вечера Алексей провёл за чужими счетами.

Он работал дома, потому что приносить княжеские книги в казённую палату не хотел. Стол оказался мал, поэтому часть бумаг лежала на подоконнике, часть на полу, а карта Вороньеграда была прижата к стене двумя подсвечниками.

На четвёртый вечер пришёл Михаил с бутылкой дешёвого вина и свёртком холодного мяса.

– Ты пропустил обед два раза подряд. Если станешь князем, это войдёт в обязанности? Алексей не оторвался от ведомости.

– Если стану князем, обед станет наименьшей проблемой.

– Значит, решил?

– Нет.

– Тогда зачем я принёс вино?

– Ошибка планирования.

Михаил поставил бутылку на край стола и посмотрел на карту.

Красным карандашом Алексей провёл старый торговый путь. Синим отметил современную дорогу. Рядом были выписаны расстояния, примерные расходы каравана и прежние тарифы на мостовой сбор.

– Ты уже считаешь доход с города, в котором никто не живёт.

– С дороги.

– Которая проходит через город, в котором никто не живёт.

– Для дороги это несущественно.

Михаил взял один из листов.

– А это?

– Долги.

– Я понял по выражению твоего лица.

Алексей отобрал ведомость.

– Если отказаться сейчас, я ничего не теряю, кроме фамильного титула и того, чего у меня никогда не было.

– Звучит разумно.

– Если принять, через семь недель надо найти почти четыре тысячи рублей. Потом ещё две выплаты до конца года.

– Уже хуже.

– Городской дом можно продать или перезаложить. Лес даёт стабильный доход. Дорога при восстановлении хотя бы части движения может приносить больше всего остального вместе.

– «При восстановлении».

– Именно.

Михаил прошёл к карте.

– Ты ведь понимаешь, что там опасная зона?

– Понимаю, что так написано в документах.

– А разница?

– Документы не объясняют характер опасности. Катастрофа произошла сорок семь лет назад. Если бы зона убивала каждого, кто туда входит, не было бы поздних осмотров, поставок железа и платежей рабочим.

Михаил постучал пальцем по красной линии.

– То есть ты собираешься поехать.

Алексей кивнул на записку покойного князя.

– В любом случае.
– До принятия наследства?
– Да.
– Один?
– Лучше с человеком, который умеет ругаться с трактирщиками и не путает север с востоком.

Михаил долго смотрел на него.

– Я знал, что бутылка была ошибкой.

Алексей впервые за вечер улыбнулся.

Утром он снова пришёл к Арсеньеву.

Поверенный подготовил проект отказа и документ о принятии наследства. Оба лежали рядом.

– Можно подписать любой, – сказал Арсеньев. – После принятия вы получаете титул, имущество и обязанности. Отменить решение будет значительно сложнее.

– Есть ли ограничения на предварительный осмотр владения?

– Для предполагаемого наследника нет. Я дам письмо на случай вопросов со стороны полиции и пограничной стражи.

– Хочу полный список кредиторов.

– Уже приготовлен.

Арсеньев передал ещё одну папку.

Алексей просмотрел её на месте.

Крупнейший долг принадлежал банкирскому дому, второй частному кредитору. Никаких скрытых обязательств перед короной. Земельный налог по Вороньеграду много лет был символическим из-за статуса опасной территории.

– Кто сейчас имеет право на дорогу западнее наших земель?

– Князь Ланской.

Фамилия была знакома. Ланские владели соседним княжеством, куда уходила часть старого торгового потока.

– Он когда-нибудь пытался купить Вороньеград?

– Двенадцать лет назад предлагал выкупить часть трактовых прав.

– Сергей Павлович отказал?

– Даже не обсуждал цену.

– Почему?

Арсеньев пожал плечами.

– Он был упрямым человеком.

Покойный князь регулярно вкладывал деньги в пустой город и отказывался продавать единственный очевидно полезный актив. Причин могло быть несколько: карантинные обязательства, старые договоры, опасность самой территории или просто семейное упрямство. Пока ни одна версия не объясняла расходы целиком.

– Дайте мне копию переписки с Ланским.

– Хорошо.

– И документы по последнему осмотру моста.

– Сегодня к вечеру.

Арсеньев отодвинул бумаги.

– Вы говорите как человек, который уже принял решение.

– Я говорю как человек, которому не хватает данных.

– Иногда это одно и то же.

Алексей не ответил.

До Вороньграда было четыре дня хорошей дороги, но осень обещала десятидневную поездку. После возвращения до первой выплаты останется меньше месяца.

Срок давил.

И всё же принимать владение вслепую он не собирался.

После конторы Алексей зашёл в казённую палату. Начальник выслушал просьбу об отпуске и долго смотрел на него.

– Князя обычно не спрашивают у меня разрешения.

– Я пока ваш служащий.

– А если вернётесь князем?

– Тогда подам прошение об увольнении.

Начальник снял очки.

– Я знал вашего отца. Он тоже не любил просить.

– Поэтому я пришёл с заявлением.

– Семь дней.

– Мне нужно двенадцать.

– Девять.

– Десять.

Начальник вздохнул и подписал.

– Воронцов, если вы там найдёте золото, я буду считать, что потерял хорошего работника по уважительной причине.

– Если найду долги, вернусь вовремя.

– Это больше похоже на вас.

К вечеру Михаил появился с дорожной сумкой.

– Я поговорил с заведующим. Мне дали неделю.

– Нам нужно десять дней.

– Я сказал, что сопровождаю будущего князя по семейным обстоятельствам.

– Это ложь.

– Это удачная формулировка.

– Ты не родственник.

– Семейные обстоятельства твои. Сопровождаю я.

– За подобные формулировки тебя однажды выгонят из службы.

– Надеюсь, к тому времени у тебя будет свободная должность.

– В палате я ещё десять лет могу исправлять чужие таблицы и ждать, пока освободится следующий стол, – добавил Михаил уже без улыбки. – Если у тебя действительно появится канцелярия с нуля, я хотя бы посмотрю, что значит строить правила, а не переписывать готовые.

– Если всё окажется хотя бы наполовину жизнеспособным, мне понадобится человек для канцелярии.

– Ты предлагаешь мне должность в мёртвом городе?

– Я ещё ничего не предлагаю.

– Хорошо. Потому что ответ был бы очень дорогим.

– Сколько?

Михаил назвал сумму, почти вдвое выше их нынешнего жалованья.

Алексей рассмеялся.

– За такую цену я найму двух.

– Двух, которые побоятся ехать туда, куда я уже согласился.

– Ты ещё не видел место.

– Поэтому цена предварительная.

На жалованье сошлись условно: должность появится только в случае принятия наследства.

Подготовка к поездке заняла весь следующий день.

Алексей купил два дорожных фонаря, масло, аптечку, сухари, запасную карту и коробку патронов для револьвера отца. Последняя покупка была скорее уступкой Михаилу.

– Если там нежить, шесть патронов нас спасут? – спросил Алексей.

– Нет. Но пустой револьвер точно не спасёт.

– Убедительно.

Михаил занялся транспортом. Он отказался от кареты и нанял две верховые лошади с одной вьючной.

– В карете мы застрянем на первой плохой дороге.

– Ты же жалуешься на седло.

– Буду жаловаться в движении.

Перед отъездом Алексей ещё раз встретился с Арсеньевым. Поверенный передал переписку Ланского и акты осмотров.

Из бумаг следовало, что мост девять лет назад действительно считался ремонтпригодным. Инженер оценивал восстановление примерно в сумму, которую сейчас Алексей мог найти только через новый заём.

– Почему Сергей Павлович не сделал ремонт тогда?

– Денег не хватило, – сказал Арсеньев. – Он пытался взять кредит. Банк отказал из-за статуса территории.

– А Ланской в тот же год предложил выкупить тракт.

– Да.

– Значит, знал о состоянии моста.

– Скорее всего.

Алексей листал письма. Ланской писал вежливо и настойчиво. Сергей Павлович отвечал коротко: «Дорога остаётся частью княжества».

– Между ними был конфликт?

– Открытого нет. Несколько раз спорили по границе леса. Обычные соседские дела.

– Ланской знал про поездки Сергея Павловича в город?

– Не могу сказать.

– А губернская администрация?

– Она получала уведомления о входе в опасную зону. По правилам полагалось.

Алексей попросил копии этих уведомлений.

В них Сергей Павлович каждый раз указывал цель: «осмотр родового имущества».

Формально всё было чисто.

На улице Арсеньев догнал его у лестницы.

– Алексей Сергеевич.

– Да?

– Если увидите что-то, чего нет в официальных книгах, не спешите решать, что Сергей Павлович вас обманул.

Алексей повернулся.

– Вы знаете что-то конкретное?

– Нет. Но последние годы он был человеком, который больше боялся неправильного объяснения, чем молчания.

– Это не лучшая рекомендация.

– Я и не рекомендую.

Все вокруг знали по фрагменту; Алексей собирался сложить картину.

Вечером Михаил принёс подписанное заявление на отпуск.

– Мать считает, что я еду погибать.

– Что ты ей сказал?

- Что еду с князем.
 - Я ещё не князь.
 - Поэтому она считает, что я погибну бесплатно.
- Алексей рассмеялся.

Перед сном он передал соседу письмо начальнику с перечнем незаконченных дел на случай задержки. Подписывая конверт, впервые подумал, что может не вернуться.

- Перед поездкой Михаил настоял на письменном соглашении о расходах.
- Мы ещё даже не начали службу. Деньги на поездку в проклятый город уже уходят мои.
 - Я верну.
 - Напиши.

Алексей написал расписку.

Михаил перечитал.

- С процентами при задержке.
- Ты издеваешься.
- Я учился рядом с тобой.

В итоге добавили символический процент.

Михаил убрал договор в отдельную папку и подписал: «Княжеская канцелярия».

На рынке они покупали провизию. Продавец, услышав направление, отказался продавать свежее мясо.

- Всё равно там испортится.
- Почему?
- Мёртвое место.
- Мясо и так мёртвое, – сказал Михаил.

Продавец задумался и всё-таки продал.

Слухи о зоне были настолько противоречивы, что практической пользы почти не имели. Одни говорили, пища там гниёт за час. Другие, что никогда не портится. Одни рассказывали о призраках, которые душат путников. Другие о мёртвых торговцах, принимающих старые монеты.

Алексей отметил только то, что повторялось у независимых людей: ночные огни, звон колокола, поездки Воронцовых и отсутствие массовых нападений на дороге.

В записной книжке Алексей завёл три пометки: подтверждено, повторяется, слух. Красивой истории отдельной категории не полагалось.

Михаил спросил:

- А если самая красивая история окажется правдой?
- Тогда добавим после проверки.
- У тебя даже суеверия проходят аудит.
- Иначе они слишком дорогие.

Накануне отъезда Алексей получил ещё одно письмо. На этот раз от банка.

Кредитор официально уведомлял наследственную массу о сроке платежа и предупреждал о праве потребовать продажу заложенного городского дома.

Сумма выглядела хуже в официальной печати, чем в его таблице.

Михаил прочитал.

- Всё ещё можно отказаться.
 - Да.
 - Последний шанс перед поездкой.
- Алексей сел у карты.
- Если бы не тракт, отказался бы сегодня.
 - Значит, весь князь держится на одном мосту, который ты ещё не видел.
 - Пока да.

– Успокаивает.

Риск пока ограничивался десятью днями проверки: если мост окажется безнадёжным, Алексей вернётся и подпишет отказ.

Вторую колонку расчёта он проверял вместе с Михаилом.

– Допустим, дорога цела, – сказал Михаил. – Ты откроешь её. Кто поедет первым?

– Тот, кому выгодно.

– Очень содержательно.

– Купцы не суевернее денег.

– Ты давно общался с купцами?

– Каждый день читаю их декларации.

– Это не общение.

Михаил взял карту.

– Здесь мост. Здесь перевал. Здесь, судя по старому атласу, была таможня. Кто будет собирать сборы?

– Найму людей.

– Где?

Алексей промолчал.

– Кто будет охранять дорогу?

– Найму.

– Кого?

– Миша.

– Я просто помогаю тебе не стать князем в первой строке и банкротом во второй.

Они добавили живую администрацию, охрану, ремонт, почтовое сообщение. Положительный итог стал гораздо меньше.

Потом Михаил нашёл ещё один пункт: старый договор с окружной администрацией об обслуживании моста. После катастрофы расходы принял округ, но право собственности не менялось. Если Алексей восстановит княжеское управление, округ может потребовать компенсацию за прошлые работы.

– Вот теперь продавай, – сказал Михаил.

– Сначала узнаю сумму.

Сумма оказалась небольшой. Мост почти не обслуживали последние двадцать лет.

Оставался вопрос безопасности.

Алексей сходил в Императорскую библиотеку магических происшествий и запросил открытые материалы о катастрофе. Ему выдали тонкую папку. Причина: «аномальный выброс неизвестного происхождения». Погибших в городе и прилегающей центральной зоне княжества: двадцать две тысячи семьсот человек. В отчёте к погибшим относили также временный персонал проекта, гарнизон, приезжих и жителей ближайших поселений. Рекомендация: избегать пребывания после наступления темноты до уточнения характера остаточного поля. Подтверждённых поздних случаев поражения живых в открытой части отчёта не приводилось.

Почему именно после темноты – документ не объяснял.

Через сорок семь лет рекомендация всё ещё действовала как часть старого карантинного режима. Формально въезд оставался разрешён, однако режим позволял властям не выдавать разрешения, не страховать поездки и не публиковать подробные материалы без ведомственного согласования.

Внизу последнего листа стояли два старых штампа: «Подробные материалы переведены в закрытый фонд» и «Публичное распространение сведений о состоянии зоны без согласования запрещено».

Алексей записал номер фонда.

Ему не дали доступ.

Закрытый режим объяснял, почему вокруг Вороньегграда десятилетиями жили слухи вместо проверяемых описаний. Две газетные заметки о «разговаривающих покойниках» изъ-яли после ведомственного опровержения.

Закрытые приложения сами по себе ничего не доказывали. Вопросов всё равно станови-лось больше.

В тот же вечер он попробовал построить худший сценарий.

Дорога разрушена полностью. Город непригоден. Продать центральную землю нельзя. Долги остаются. В этом случае Алексей потеряет сбережения и, вероятно, несколько лет жизни на судебные разбирательства.

Лучший сценарий выглядел почти неприлично хорошо.

Рабочая дорога. Возвращение торговли. Земельный рост. Княжество постепенно ожи-вает.

Он зачеркнул лучший сценарий.

Слишком много допущений.

Оставил средний: дорогу можно восстановить, но прибыль невелика.

Даже там шанс выбраться из долгов существовал.

На основании именно этого расчёта Алексей решил, что оснований для немедленного отказа нет. Подписывать принятие до осмотра он всё ещё не собирался.

Утро Алексей провёл в окружной канцелярии. Вход туда оказался сложнее, чем в соб-ственное наследственное дело. Потребовались служебное удостоверение, письменный запрос и знакомый архивариус, который помнил Алексея по проверке земельных платежей.

– Воронцовский тракт? – переспросил архивариус. – Вы первый за много лет, кто просит эти книги добровольно.

Он вынес ведомости по мостам. Два моста числились разрушенными, один стоял с огра-ничением по весу. По крайней мере так было двадцать три года назад, когда инспектор в последний раз дошёл до границы опасной зоны.

– Дальше никто не ходил?

– Официально нет.

– А неофициально?

Архивариус посмотрел на него поверх очков.

– Неофициальные люди отчётов не оставляют.

В старых папках нашлись жалобы купцов. Обход через земли Ланских добавлял два дня пути летом и до четырёх осенью. Плата за проезд была выше старого тарифа Воронцовых. В нескольких заявлениях торговцы просили открыть хотя бы южный участок прежней дороги.

Ответы одинаковые: зона признана опасной.

Алексей попросил копии трёх самых свежих жалоб. Потом зашёл в страховую контору и спросил, сколько будет стоить страхование каравана через восстановленную дорогу.

Служащий сначала подумал, что это шутка.

– Через Мёртвый город?

– Через Воронцовское княжество.

– Это одно и то же место.

– Для тарифа есть разница?

– Большая. Для обычного страхового покрытия нужен акт магической безопасности. Без него караван может идти только под отдельную расписку о принятии риска, и тариф будет почти запретительным.

– Кто его выдаёт?

– Императорская инспекция происшествий.

К обеду таблица стала хуже. Ремонт, страховка, охрана, живая администрация, магиче-ская проверка, долги. Ожидаемая прибыль уменьшилась в четыре раза.

Михаил, которому Алексей показал расчёт, прочитал последнюю строку и отодвинул лист.

- Теперь похоже на правду.
- Пока нет стоимости ремонта.
- Тогда ещё хуже.
- Возможно.
- Почему ты вообще продолжаешь?

Ему было трудно объяснить. Деньги оставались важными. Титул тоже имел цену, хотя вслух он этого не признавал. Сильнее всего действовало другое: владение выглядело задачей, которой никто не занимался всерьёз десятилетиями. В казённой палате его работа заканчивалась подписью начальника. Здесь подпись будет его собственной.

- Я хочу увидеть место.
- Это ещё можно сделать без принятия наследства?
- Да. Есть срок на решение.
- Вот и съезди. Вернёшься, скажешь, что там одни развалины, и мы спокойно выпьем за твоё спасение от княжеской жизни.

Алексей усмехнулся.

- Мы?
- Я уже потратил вечер на твои мосты. Имею право на напиток.

Перед поездкой Алексей встретился с управляющим банка, который держал крупнейший долг рода. Тот оказался человеком лет пятидесяти с мягким голосом и привычкой крутить перстень.

- Мы не заинтересованы в вашем разорении, Алексей Сергеевич.
- Это приятно слышать от кредитора.
- Разорившийся должник платит хуже живого.
- Предлагаете отсрочку?
- Если вступите в наследство, три месяца без взыскания основной суммы. Потом покажете план.

Отсрочка касалась только основной суммы крупнейшего долга. Угроза немедленного банковского взыскания отступала, но рабочий горизонт почти не менялся: проценты, второй частный кредитор, ремонт и текущие расходы требовали денег раньше конца трёхмесячной отсрочки. Алексей перечеркнул прежний срок взыскания и оставил рядом другой: семь недель на проверку, способно ли наследство вообще начать кормить себя.

- Почему такая щедрость?
 - Потому что князь Сергей двадцать лет платил проценты вовремя.
 - Из каких доходов?
 - Личных. Иногда продавал бумаги. Иногда занимал ещё.
 - Но землю Ланским не продавал.
- Управляющий поднял взгляд.
- Вы быстро читаете архивы.
 - Работа такая.
 - Тогда вы уже понимаете: у покойного были причины держать эту землю. Я их не знаю.

Перед уходом Алексей спросил:

- Если дорога снова заработает, банк готов финансировать ремонт?
- После акта безопасности и первых поступлений.
- То есть после того, как деньги мне понадобятся меньше.
- Вы быстро понимаете банковское дело.

Вечером Алексей подписал предварительное согласие на осмотр владения. Принятие наследства можно было оформить после поездки.

Через сутки пришло уточнение от нотариуса: предполагаемый наследник мог находиться в княжеской резиденции и читать открытые хозяйственные книги, но закрытые родовые поместья, часть архива и старые печати признавали только действующего князя после принятия титула.

В том же разъяснении Арсеньев отдельно указал порядок на случай, если Алексей решит не возвращаться за подписью: акт принятия можно удостоверить внутри владения при двух свидетелях и затем зарегистрировать в губернии. Это не давало дополнительных прав до самой подписи и не обходило закрытые приложения; менялось только место оформления.

Алексей потребовал у Арсеньева проверить, можно ли открыть закрытые приложения только для оценки наследства, без принятия обязательств. Губернская палата отказала: доступ был привязан к действующей родовой печати, полномочия которой возникали вместе с титулом. Оспорить правило можно было через суд, но месяцы разбирательства не останавливали сроки кредиторов. Алексей записал это как один из главных рисков процедуры наследования.

Принятие он отложил до возвращения из города.

Пока для него существовали только земля, дорога, долги и документы. Других обязательств он ещё не видел и именно поэтому не хотел принимать их на веру.

На рассвете следующего дня они выехали. Алексей оставил на столе два документа Арсеньева – отказ и принятие наследства. Подписи не было ни на одном.

Глава 3. Первый подданный

Первый день пути прошёл под мелким дождём.

Михаил жаловался на седло, Алексей на карту. Дорога, обозначенная широкой линией, оказалась разбита телегами и осенней водой. К вечеру их сапоги были в грязи, плащи промокли до плеч.

На постоялом дворе в уездном городке разговор быстро дошёл до Вороньеграда.

Хозяин, крупный мужчина с красным лицом, поставил перед ними щи и спросил, куда они едут дальше.

– На восток, – ответил Алексей.

– На перевал?

– Через Вороньеград.

Ложка в руке хозяина замерла.

– Зачем?

– Дела владельца.

Михаил кашлянул в кружку.

Хозяин посмотрел на Алексея внимательнее.

– Как фамилия?

– Воронцов.

Тот вытер руки о фартук.

– Так старый всё-таки умер.

– Вы его знали?

– Видел раза четыре. Через нас ездил. Всегда один и тот же экипаж, два человека сопровождения. Последний раз года три назад.

Алексей поставил ложку.

– Куда именно он ехал?

– Туда.

– В город?

Хозяин пожал плечами.

– За заставой одна дорога.

– Возвращался?

– Каждый раз.

Михаил наклонился ближе.

– В каком состоянии?

– Живом, если вы об этом.

За соседним столом кто-то засмеялся.

Хозяин не улыбнулся.

– Ночью туда не суйтесь.

– Почему?

– Потому что ночью там ходят мёртвые.

Алексей ждал продолжения.

– Вы сами видели?

– Я туда ночью не ездил.

– Тогда откуда знаете?

– Люди говорят.

– Какие люди?

– Которые умнее вас и туда не ездят.

Михаил тихо сказал:

– Мне нравится этот человек.

Алексей продолжил расспросы. Реальных сведений оказалось мало. Один возчик утверждал, что видел огни в окнах. Другой слышал колокол. Третий уверял, что из города выходят солдаты без лиц. Когда Алексей попросил назвать человека, который видел солдат, выяснилось, что история пришла от двоюродного брата знакомого из соседнего уезда.

Полезным был только факт поездок Сергея Павловича.

Утром хозяин вывел их к конюшне и показал направление.

– После каменного столба дорога хуже. К вечеру дойдёте до старой заставы. Там дальше сами решайте.

– Есть место для ночёвки перед городом?

– Дом дорожного смотрителя. Пустой уже лет десять. Крыша была цела прошлой весной. Михаил мрачно посмотрел на Алексея.

– Я начинаю понимать, почему ты обещал высокое жалованье.

– Пока ничего не обещал.

– Тогда я снова поднимаю цену.

К полудню дождь прекратился. Дорога пошла вдоль леса. Чем дальше они ехали, тем меньше встречалось людей. Последнюю живую деревню миновали после обеда. За ней стоял каменный столб с почти стёртым вороном.

Земля Воронцовых.

Алексей остановил лошадь.

Герб был расколот пополам. В трещине вырос мох.

Он провёл пальцами по камню.

Титул на бумаге вдруг приобрёл вес. Земля существовала. Столб стоял здесь ещё до рождения его отца и продолжал обозначать границу, хотя хозяин земли десятилетиями появлялся раз в несколько лет.

– Торжественный момент? – спросил Михаил.

– Плохой камень.

– Вот за это тебя любят люди.

– Какие люди?

– Пока я.

После столба дорога действительно стала хуже. Несколько участков заросли травой, но каменная насыпь сохранилась. Колёса старой телеги могли бы пройти. Тяжёлый караван пришлось бы вести осторожно.

Алексей отмечал состояние мостиков и канав в записной книжке.

Михаил наблюдал несколько минут.

– Ты уже решил восстанавливать тракт.

– Я оцениваю.

– Ты оцениваешь цену ремонта.

– Именно.

– Человек, который собирается отказаться от наследства, считал бы стоимость продажи.

Алексей убрал карандаш.

– Я ещё могу отказаться.

– Конечно.

Тон Михаила раздражал, потому что в нём была правда.

Вторая ночь пути прошла в доме лесника.

Лесник оказался старше всех предыдущих рассказчиков и помнил времена сразу после катастрофы.

– Тогда дорогу закрывали солдаты, – сказал он. – Лет десять никто не ездил. Потом княжеские люди начали проходить снова.

– Какие люди?

– Живые. Иногда приезжали маги. Иногда сам князь.

– Вы видели мёртвых?

Лесник долго молчал.

– Один раз. Девчонку у старой границы. Стояла и звала мать. Я подошёл, она стала прозрачной и упала. Потом обратно поползла к городу.

– Когда?

– Лет тридцать назад.

– Почему не помогли?

– Испугался.

Он сказал это без оправдания.

– Она вернулась?

– Не знаю. Через день сходил к границе, никого не было.

Впервые у слуха появился конкретный свидетель. Алексей записал имя лесника и примерную дату.

– Зачем? – спросил тот.

– Чтобы потом можно было проверить.

– А если я наврал?

– Тогда тоже полезно знать, кто именно.

Лесник рассмеялся.

Утром он показал короткую тропу к старому тракту и предупредил о разрушенном мостике через ручей.

Предупреждение оказалось точным.

Точное предупреждение о мостике повысило доверие к рассказу, но Алексей всё равно оставил его в категории свидетельств, а не фактов.

На третий день пути они встретили караван, идущий западным маршрутом.

Алексей спросил старшего возчика, сколько они тратят на обход Вороньеграда.

– Два дня хорошей погоды. Три, если грязь.

– Если старый путь откроется, пойдёте?

Возчик рассмеялся.

– Через мёртвый город?

– При охране и нормальной дороге.

– За хорошую скидку попробую один раз.

– Какую?

Возчик назвал примерную экономию, при которой риск становится приемлемым.

Идею тракта впервые проверил живой рынок – ещё до принятия наследства. Цифры совпадали с прогнозом: даже сниженный тариф мог привлечь часть потока.

Михаил после разговора сказал:

– Теперь у тебя есть один потенциальный клиент.

– Один возчик, который смеялся половину разговора.

– Все великие предприятия с чего-то начинаются.

– Обычно не с насмешки.

– Ты просто плохо знаешь торговлю.

Через несколько часов дорога окончательно опустела. Начиналась та часть страны, где на новых картах почти не было дорог к востоку.

К вечеру показалась старая застава. Две каменные будки стояли по сторонам дороги, ворота давно исчезли. За ними начинался широкий спуск к реке.

Алексей достал фотографию Сергея Павловича. Расколотый столб и угол дальней будки совпадали со снимком. Подпись «У южной заставы» перестала быть семейной загадкой и превратилась в точку на карте: старик действительно стоял здесь и ходил дальше.

Вдали, среди серых деревьев, показались башни.

Вороньеград.

До города оставалось несколько вёрст.

Солнце уже садилось.

– Мы ночуем здесь, – сказал Михаил.

– Почему?

– Потому что хозяин постоялого двора, человек с несомненным жизненным опытом, рекомендовал ночью не въезжать.

– Он не был там.

– Именно поэтому до сих пор жив.

Алексей посмотрел на небо. До темноты оставался примерно час.

Дом дорожного смотрителя стоял в стороне от тракта. Крыша провалилась над одной комнатой, остальные выглядели сухими.

– Хорошо, – сказал Алексей. – Осмотрим заставу и заночуем здесь.

Михаил заметно расслабился.

Они привязали лошадей во дворе. Алексей обошёл заставу.

Внутри одной будки обнаружилась старая книга дежурств, сгнившая по краям. Большая часть страниц слиплась. На стене висели крючья для фонарей. Один фонарь лежал на полу.

Алексей поднял его.

Внутри было свежее масло.

Он понюхал фитиль.

– Михаил.

Тот вошёл, держа в руках охапку сухих досок.

– Что?

Алексей показал фонарь.

– Этим пользовались недавно.

Михаил поставил доски.

– Насколько недавно?

– Масло не прогоркло. Несколько недель, может меньше.

Они осмотрели пол внимательнее.

В пыли виднелись следы сапог.

Один человек. Возможно, несколько проходов.

– Сергей Павлович умер три дня назад, – сказал Михаил.

– До этого он болел минимум месяц. Врач писал, что последние недели не вставал.

– Значит, здесь кто-то есть.

Алексей кивнул.

На территории, которую документы считали почти пустой, кто-то бывал совсем недавно.

Они вышли наружу.

За рекой темнел город.

В одной из дальних башен вспыхнул огонь.

Михаил застыл.

– Ты видишь?

– Да.

Через несколько секунд зажёгся второй свет, ниже, почти у самой стены.

Третий свет вспыхнул ещё ниже, у самой линии стены.

Алексей смотрел, пока не понял, что огни возникают последовательно, словно кто-то проходит по улицам и зажигает фонари.

– Мы остаёмся здесь, – сказал Михаил.

На этот раз Алексей не спорил.

Ночью он почти не спал.

Издалека доносился глухой звон.

Один удар.

Пауза.

Ещё один.

Ночёвка у заставы дала им ещё одну деталь.

Ближе к полуночи к дому подошёл человек.

Михаил разбудил Алексея, прижав палец к губам. За стеной скрипнула доска. Кто-то проверил дверь.

– Кто там? – спросил Алексей.

Молчание.

Он взял револьвер и открыл ставню.

Во дворе стоял мужчина в длинном плаще. Лица почти не было видно.

– Назовитесь.

Человек поднял руку.

Она была полупрозрачной.

Михаил выругался.

Незнакомец не приближался.

– Дорога закрыта после полуночи для живых без сопровождения, – сказал он.

– Кем закрыта?

– Городской стражей.

– Вы из города?

– Да.

Алексей почувствовал, как все слухи постоянного двора вдруг превращаются в конкретного собеседника.

– Почему не подошли днём?

– Днём сюда трудно войти.

– Что вы хотите?

– Проверить, кто остановился на заставе. Сегодня заметили следы лошадей.

– Алексей Воронцов.

Фигура замерла.

– Наследник?

– Предполагаемый.

Человек снял шапку.

– Тогда утром проходите к южным воротам. Ключ у вас должен быть.

– Откуда знаете?

– Старый князь сказал, что оставит.

– Как вас зовут?

– Егор Савельев. Дозорный.

Он сделал шаг назад.

– Не идите сейчас. Ночью город плотнее, но вы не знаете улиц.

– Опасно?

– Для незнающего всё опасно.

Михаил прошептал:

– Наконец кто-то говорит разумно.

Савельев услышал.

– Ваш спутник прав.

Потом развернулся и пошёл по дороге.

Через тридцать шагов фигура стала почти невидимой. Ещё через двадцать исчезла в темноте.

Алексей долго смотрел вслед.

– Теперь точно возвращаемся? – спросил Михаил.

– Теперь точно едем дальше.

– Я был уверен, что скажешь это.

Утром город снова выглядел тёмным.

Они выехали сразу после рассвета.

Перед отъездом они нашли у двери маленькую дощечку с городским знаком. На обороте углём было написано: «Наследник прибыл».

По дороге вниз к реке Алексей несколько раз замечал следы ночного патруля, которые внезапно обрывались там, где мёртвый дозорный, вероятно, терял плотность днём.

Алексей отметил наблюдение, не делая выводов.

Михаил заметил:

– Ты правда ведёшь заметки о призраках.

– Пока это человек, который разговаривает, выполняет службу и знает правила дороги.

– И просвечивает.

– Это тоже записал.

– Отлично. Если выживем, отчёт будет очень убедительным.

Глава 4. Дорога мёртвых

Последние вёрсты до города оказались лучшей частью старого тракта.

Каменная насыпь просела в двух местах, но сохранилась. Дренажные канавы были расчищены. Кто-то недавно срезал кусты у обочины.

Алексей остановил лошадь возле свежего пня.

– Топором работали этим летом.

– Может, местные из деревень, – сказал Михаил.

– Зачем им чистить дорогу, которой они не пользуются?

Ответа у Михаила не было.

Городская стена возникла за поворотом внезапно. Она была выше, чем Алексей ожидал. Южная башня потеряла крышу, часть кладки обвалилась, но ворота стояли.

Створки были закрыты.

На дороге перед ними лежали следы колёс.

Алексей спешился.

– Свежие.

Михаил посмотрел вокруг.

– И ни одного человека.

В створке обнаружилась маленькая калитка. Железо покрывала ржавчина, однако замок блестел от масла.

Алексей достал ключ, оставленный Сергеем Павловичем.

Он вошёл в замок без усилия.

Михаил выругался.

– Старик знал, что ты сюда приедешь.

– Он надеялся, что придет наследник.

– И оставил ключ от ворот города, полного ночных огней. Очень заботливо.

Калитка открылась со скрипом.

За стеной начиналась широкая улица.

Пустая.

Дома стояли плотными рядами. В некоторых не было крыш, другие выглядели так, словно хозяева ушли вчера. На перекрёстке лежала перевёрнутая телега. В витрине лавки пылились стеклянные банки. Вывеска сапожника болталась на одной цепи.

Алексей сделал несколько шагов.

Тишина была глубже обычной городской тишины. Не слышно собак, птиц, человеческой речи. Даже ветер между домами казался чужим.

Михаил вошёл следом.

– Осмотрел. Можно ехать назад.

– Мы прошли пять шагов.

– Качественных пять шагов.

Алексей направился к центру.

Княжеский дом стоял на возвышении. Добраться туда можно было по главной улице. По пути Алексей отмечал состояние зданий.

Камень сохранялся хорошо. Деревянные пристройки сгнили. Водостоки были частью забиты. Несколько колодцев выглядели чистыми.

На одном из них лежало ведро.

Верёвка была новой.

Алексей опустил ведро. Вода поднялась прозрачная.

– Кто-то за этим следит, – сказал он.

– Я уже понял. Мне не нравится, что этот кто-то не выходит поздороваться.

На площади стояла ратуша с часовой башней. Часы остановились на одиннадцати минутах третьего.

Дверь ратуши оказалась заперта.

Ключ Сергея Павловича не подошёл.

Алексей обошёл здание. На заднем дворе нашёл дрова, сложенные под навесом. Часть была свежей.

– Значит, живые всё-таки есть, – сказал Михаил.

– Возможно.

– Что ещё может рубить дрова?

– Вчера ты сам предложил несколько вариантов.

– Я надеялся, что утром они станут глупее.

До княжеского дома добрались к полудню.

Резиденция оказалась меньше ожидаемого: двухэтажное каменное здание с внутренним двором и отдельной служебной пристройкой. Одна часть крыши была починена сравнительно недавно.

Ключ подошёл к боковой двери.

Внутри пахло холодным камнем и старой древесиной.

На мебели лежали чехлы. В кабинете стоял стол, шкаф и пустая чернильница. Пыль была тонкой.

Сергей Павлович бывал здесь.

Алексей открыл шкаф. На полках лежали хозяйственные книги за последние годы.

Он взял верхнюю.

Записи были сделаны разными почерками.

Последняя дата: двенадцать дней назад.

– Михаил.

Тот подошёл.

В книге значились: ремонт водовода, масло для двух воротных механизмов, замена досок на восточном складе, выдача железа кузнице номер три.

– Кто-то ведёт хозяйство, – сказал Алексей.

– Очень старательный призрак.

На этот раз шутка прозвучала неуверенно.

Алексей перелистнул назад. Записи шли непрерывно годами.

Суммы, полученные из внешнего мира, совпадали с расходами Сергея Павловича. Масло и железо действительно доставляли сюда. Кто-то принимал поставки и распределял их по городу.

Но в книгах не было платы рабочим.

Ни жалованья, ни продовольствия, ни расходов на проживание.

– Если здесь люди, что они едят? – спросил Михаил.

Алексей закрыл книгу.

– Найдём тех, кто пишет.

Они осмотрели первый этаж. В кухне не было свежей еды. Печь давно не топили. В кладовой стояли только пустые полки и несколько бутылок вина, запечатанных ещё до катастрофы.

Во дворе нашли конюшню. Чистую, но пустую.

Солнце медленно опускалось.

– Нам надо выехать до темноты, – сказал Михаил.

Алексей смотрел на книгу.

Если они уедут сейчас, вернуться на заставу к ночи. Завтра придётся ехать сюда снова. Он потеряет день и всё равно не поймёт, кто ведёт хозяйство.

- Останемся до вечера.
- Я именно этого боялся.
- Вчера огни зажглись после заката.
- Тоже заметил.
- Если здесь кто-то появляется ночью, мы наконец сможем поговорить.
- Ты исходишь из того, что они любят разговоры.
- Сергей Павлович возвращался отсюда живым.

Михаил посмотрел на закрытые окна.

- Сергей Павлович знал правила.

Возражение было разумным.

Алексей подумал о ключе и хозяйственных книгах.

Покойный оставил наследнику доступ в город, но не оставил предупреждения бежать до заката.

- Запрём дверь. Если увидим опасность, уйдём через боковой выход.
- В темноте через город?
- Лошади во дворе.
- Прекрасный план.

Они подняли наверх две скамьи и поставили у входа. Михаил проверил пистолет. Алексей редко носил оружие. В этот раз он всё же взял из седельной сумки дорожный револьвер.

В пять часов ничего не произошло.

В шесть за окном стало темно.

В половине седьмого на площади загорелся фонарь.

Алексей подошёл к окну.

Фонарь стоял у ратуши. Рядом никого.

Потом огонь появился в следующем.

И ещё в одном.

Из боковой улицы вышел мужчина в длинном пальто.

Он шёл спокойно, держа под мышкой свёрток бумаг.

Михаил поднял пистолет.

- Подожди.

На площадь вышла женщина с корзиной. Потом старик. Потом двое детей.

За несколько минут пустая улица наполнилась людьми.

Они разговаривали. Кто-то открыл лавку. В окнах зажигался свет.

Алексей смотрел и не мог найти в происходящем знакомую меру невозможного.

Люди выглядели обычными.

Только при внимательном взгляде было видно, что фонарь просвечивает сквозь руку мужчины с бумагами.

Михаил медленно опустил оружие.

- Алексей.

- Вижу.

Во дворе слышались шаги.

Кто-то подошёл к двери княжеского дома.

Три спокойных удара.

Алексей взял револьвер, но держал его опущенным.

- Кто там?

За дверью ответил сухой мужской голос:

– Управляющий Воронежа. Семён Аркадьевич Ратников. Если господин Воронцов уже прибыл, прошу открыть. Ваш покойный родственник велел ожидать наследника.

Глава 5. Руины

Алексей убрал револьвер в карман и отодвинул скамью от двери.

Михаил схватил его за рукав.

– Ты серьёзно?

– Он назвал себя управляющим.

– Мёртвым управляющим.

– Мы этого пока не знаем.

– Я только что видел человека, сквозь которого светит фонарь.

– Тогда вопрос уже другой.

За дверью терпеливо ждали.

Алексей открыл.

На крыльце стоял высокий сухой мужчина лет шестидесяти. Седые волосы были зачёсаны назад, воротник старомодного сюртука застёгнут до самого горла. В руках он держал книгу и фонарь.

При ближайшем взгляде странность становилась очевидной. Кожа казалась слишком бледной, края фигуры чуть терялись в темноте. Сквозь пальцы проступала линия кожного переплёта.

Мужчина поклонился.

– Алексей Сергеевич Воронцов?

– Да.

– Прошу предъявить знак наследника.

– Какой именно?

Ратников перевёл взгляд на его руку.

Алексей носил родовой перстень отца. Маленький серебряный ворон, без драгоценных камней. Для провинциального чиновника он оставался семейной памятью; символом власти почти не воспринимался.

– Этого достаточно для первоначальной проверки, – сказал управляющий. – Документы у вас с собой?

– Есть письмо поверенного.

– Прошу.

Михаил тихо произнёс:

– Он действительно собирается проверять бумаги.

– Если господин желает войти в наследство, город обязан убедиться, что перед нами нужный человек.

– Город?

– Канцелярия города.

Алексей достал письмо Арсеньева.

Ратников прочёл его внимательно, сверил печать и вернул.

– До официального принятия наследства вы считаетесь предполагаемым князем. Это даёт вам право находиться в резиденции и знакомиться с книгами. Распоряжаться городским имуществом пока нельзя.

– Старые механизмы различают эти статусы?

– Канцелярская часть – да, – ответил Ратников. – Родовые печати признают только действующего князя. Но городские реестры доступа работают по удостоверенной записи: посторонний, предполагаемый наследник, должностное лицо. Система не читает намерения, ей нужен оформленный статус. По тем же записям работают несколько старых квартальных усилителей: доступ к поддержке определяется зарегистрированным положением человека; имя

значения не имеет. Я не знаю, почему строители связали административный реестр с магической сетью. Связь существует и проверялась десятилетиями.

– Тогда ещё один вопрос. Девятнадцать лет назад Сергей Павлович выдал доверенность на ваше имя. По государственному реестру вы были мертвы уже двадцать восемь лет.

Ратников посмотрел на него без удивления.

– Нотариус удостоверял подпись Сергея Павловича и объём его распоряжения. По тогдашнему порядку он не подтверждал дееспособность названного получателя, пока тот сам не совершал внешнего юридического действия. Я в контору не являлся. Для внешнего мира документы и грузы принимал живой посыльный, а доверенность подтверждала его право передать их мне внутри владения. Поэтому бумага была странной, но формально нотариус не удостоверял, что я жив.

– Поэтому в реестре документ настоящий, а получатель юридически невозможен?

– Именно. Он пользовался старым порядком, который уже тогда считался дефектным. После реформы новый документ на моё имя провести было бы нельзя, поэтому Сергей Павлович сохранял прежнюю доверенность и работал через живых посыльных. Хозяйственные и нотариальные чиновники видели только перевозки и действующую бумагу; допуска к закрытому проекту у них не было. Управление происшествий, наоборот, держало техническую часть отдельно и не давало местным канцеляриям сведений, по которым странность пришлось бы назвать официально. Поэтому практика годами оставалась формально видимой и содержательно не признанной.

Алексей неожиданно почувствовал облегчение. Перед ним стояло невозможное существо, но говорило оно языком устава.

– Кто ведёт хозяйственные книги?

– Я.

– Запись двенадцать дней назад ваша?

– Да.

– Кто расчищает дорогу?

– Городская служба.

– Кто ремонтирует водовод?

– Те, кто ремонтировал его при жизни.

Михаил сделал шаг назад.

Ратников заметил.

– Господин Лебедев, если вас беспокоит наше состояние, уверяю: жители Вороньегграда не нападают на живых без причины.

– Очень успокаивает окончание фразы.

– Я предпочитаю точные обещания.

Алексей открыл дверь шире.

– Войдёте?

– Если позволите.

Ратников переступил порог.

Он не оставлял следов на пыльном полу.

Михаил это тоже заметил.

– Вы мертвы? – спросил он.

Алексей повернулся к нему.

– Михаил.

– Всё равно придётся спросить.

Ратников спокойно ответил:

– Да.

В комнате повисла тишина.

- Давно? – спросил Алексей.
- Сорок семь лет.
- Все люди на улице тоже?
- Почти все. Живых постоянных жителей внутри старой стены сейчас нет.
- Сколько вас?

Ратников открыл книгу.

– Последняя полная перепись проводилась семь лет назад. Четыре тысячи восемьсот двадцать три устойчивых жителя. Ещё около шестисот появляются нерегулярно или слишком ослаблены для постоянной деятельности.

Михаил сел на ближайший стул.

- Пять тысяч мертвецов.
- Жителей, – поправил Ратников.
- Они умерли.
- Это не отменило их имён.

Алексей услышал в голосе управляющего первую тень раздражения.

Он задал следующий вопрос:

- Что значит «устойчивых»?
- Состояние жителей различается. Некоторые сохраняют почти полную физическую форму ночью и достаточно сил днём. Другие слабее. Причины нам известны лишь частично.

– Как вы работаете с предметами?

Ратников положил ладонь на спинку стула. Пальцы стали плотнее.

– Можем касаться, переносить, использовать инструменты. Ночью легче. Днём требуется больше усилий.

- Еда?
- Не нужна.
- Сон?
- Большинству тоже.
- Болезни?
- Обычные нет.

Алексей машинально потянулся к записной книжке.

Михаил посмотрел на него так, словно это было худшее возможное время для записей.

– Что удерживает вас здесь?

Ратников помолчал.

- Город.
- Это не ответ.

– Более точного у меня нет. После катастрофы мы обнаружили, что не можем далеко уйти от старых границ. Попытки были.

– Что происходит?

– Слабость. Потеря плотности. Дальше человек начинает распадаться. Если вернётся вовремя, восстанавливается.

- Насколько далеко?
- У каждого по-разному.

Алексей сделал запись.

- Сергей Павлович знал всё это?
- Да.

Ответ прозвучал сразу.

- С какого времени?
- С детства. Его отец привозил его сюда.

Алексей закрыл книжку.

Покойный родственник годами финансировал имущество. При этом он десятилетиями знал, что в городе существуют тысячи разумных мёртвых, и не написал об этом ни слова предполагаемому наследнику.

– Почему это скрывалось?

– Вы задаёте вопрос, на который лучше отвечать после того, как вступите в права.

– Я должен решить, принимать ли наследство. Для решения мне нужны сведения.

Ратников выдержал его взгляд.

– Тогда спрашивайте о состоянии города, долгах, жителях, дороге. На это я отвечу. История катастрофы связана с обязательствами рода, которых вы пока не приняли.

– И сразу обозначу границу: закрытый проект, приложения к послекатастрофному договору и решения последних часов я без действующего князя обсуждать полностью не имею права. Если останетесь предполагаемым наследником, эти белые места так и останутся белыми.

– Очень удобная граница.

– Она юридическая.

– Кто её установил?

– Первый послекатастрофный договор между городом и домом Воронцовых.

Алексей отметил новое слово.

– Договор в письменном виде?

– Частично.

– Где?

– В архиве.

– Я могу его прочесть?

– Общую часть. Закрытые приложения доступны действующему князю.

Михаил подался вперёд.

– У вас магический замок на документах?

– На некоторых помещениях.

– И ещё одно текущее обстоятельство, – сказал Ратников. – Под княжеской резиденцией находится центральный узел старой сети. Его существование и расположение я могу назвать сейчас. Я знаю только эксплуатационное следствие: когда сеть слабеет, слабеем и мы. Схема узла, параметры и точный механизм относятся к закрытым приложениям; к технической части нужен ещё и ведомственный доступ. Вмешиваться туда до открытия нельзя.

– Конечно, – сказал Михаил.

Алексей продолжил.

– Почему Сергей Павлович оставил мне ключ от ворот и одну фразу вместо объяснения?

На лице Ратникова впервые появилась усталость.

– Потому что считал, что наследник должен увидеть нас до принятия решения.

– И потому что полное объяснение лежало в закрытых приложениях. Сергей Павлович дважды пытался получить право заранее подготовить наследника; губерния вернула письма с предупреждением о секретности. Ведомственный циркуляр относил к закрытым сведениям схемы и само подтверждение того, что погибшие жители сохраняют разумное существование. Послать такое признание предполагаемому наследнику обычным письмом означало разгласить сведения о состоянии зоны. Передать его по служебному каналу чиновнику без допуска означало зарегистрировать закрытый материал и автоматически отправить его начальству. Сергей Павлович мог приехать и сказать лично, нарушив режим на свой риск. Годами он откладывал именно этот шаг: не хотел втягивать вас до тех пор, пока наследование не станет реальной обязанностью. Он рассчитывал объяснить всё при личной встрече и начал для действующего наследника отдельную опись. Болезнь помешала закончить её и открыть архив своей печатью. Поэтому оставил ключ и требование сначала увидеть город. Не успел объяснить остальное.

– Он говорил обо мне?

- Последние годы да.
- Что именно?
- Что вы умеете считать.
- Сомнительный комплимент.
- В его устах это был комплимент.

Ратников закрыл книгу.

– Если позволите, утром я проведу вас по городу. Ночью вы увидите его в лучшем состоянии и можете сделать ошибочный вывод.

- Какой?
- Что здесь всё работает.

Он направился к двери.

Алексей остановил его.

– Последний вопрос. Почему город называется Мёртвым, если за стенами знают, что здесь кто-то есть?

– В окрестностях знают достаточно, чтобы бояться и пересказывать истории. Власти знают больше, но официально признают только опасную зону. Большинство людей предпочитает считать нас обычной нежитью. Так проще.

- А вы?

Ратников посмотрел на улицу, где мёртвые горожане шли мимо освещённых окон.

– Мы предпочитаем считать себя Вороньеградом.

Управляющий ушёл.

Михаил долго молчал.

Потом спросил:

- Всё ещё думаешь о дороге?

Пять тысяч жителей. Почти никакого внешнего дохода. Ограниченная территория. Город, который поддерживает себя сорок семь лет благодаря редким поставкам одного старика.

- Теперь дорога важнее, – сказал он.
- Ты только что узнал, что у тебя несколько тысяч мёртвых подданных.
- Пока не подданных. Я ничего не подписал.
- И именно это тебя сейчас волнует?

– Меня волнует, что через семь недель кредиторы потребуют деньги. Если я приму наследство, долг станет реальным. Если приму вместе с городом, придётся понимать, чем его содержать.

Михаил покачал головой.

- Я никогда не пойму, как работает твоя голова.
- Это взаимно.

После ухода Ратникова Алексей не лёг сразу.

Он вышел на площадь вместе с Михаилом. Ночной город встретил их без церемонии. Люди шли по делам, словно появление нового наследника было лишь одной новостью среди многих.

У ратуши спорили двое мужчин. Один требовал вернуть ему мастерскую, которую второй использовал последние двадцать лет. У фонтана девочка читала книгу женщине, почти прозрачной в свете лампы. Возле ворот кузницы двое рабочих тащили металлическую балку.

- Они нас почти не замечают, – сказал Михаил.
- А должны?
- Я ожидал хотя бы толпу с факелами.
- Факелы им нужнее для работы.

Михаил посмотрел на него.

- Через два часа среди мёртвых ты уже шутишь хуже обычного.

Они зашли в трактир на площади. Вывеска обещала «Горячую кухню», хотя внутри никто не ел. Хозяин, мёртвый мужчина с усами, объяснил, что трактир открывают по привычке и ради редких живых гостей Сергея Павловича.

– Что подавали старому князю?

– Что привозил сам. Мы можем разогреть, нарезать, но вкус у еды, которую готовим без живых, странный.

– Почему?

– Если бы знал, открыл бы научный институт вместо трактира.

Михаил заказал чай.

Чай оказался горячим и нормальным.

– Вода и листья, – пояснил трактирщик. – Чем меньше жизни требуется блюду, тем проще.

Алексей сделал заметку.

Хозяин увидел.

– Сергей Павлович тоже всё записывал.

– Он часто здесь бывал?

– Последние годы два-три раза в год. Иногда сидел до утра с Ратниковым. Иногда ходил в старую лабораторию.

– Какую лабораторию?

Трактирщик пожал плечами.

– Под княжеским домом что-то есть. Меня туда не водили.

Алексей записал упоминание лаборатории рядом с другими непроверенными сведениями.

Возвращаясь в резиденцию, Алексей заметил на перекрёстке пустой постамент. Табличка была снята.

– Что здесь стояло? – спросил проходящего старика.

– Памятник князю.

– Какому?

– Тому, при котором город умер.

– Почему убрали?

– Через десять лет после катастрофы. Каждый месяц кто-нибудь разбивал лицо. Надоело чинить.

– А куда дели?

– На склад.

Алексей не спросил дальше.

Но понял важную вещь: отношение города к Воронцовым никогда не было единым. Ратников мог признавать титул, но это не означало любви или прощения жителей.

У княжеского дома их встретил ночной стражник.

– Господин наследник, управляющий просил не выходить за восточную стену без проводника.

– Почему?

– Там слабее поле.

– Это опасно для живых?

– Насколько знаем, нет. Для нас да.

– Тогда зачем предупреждать меня?

Стражник посмотрел на Михаила.

– Чтобы вы не пошли за кем-нибудь, кто начнёт исчезать, и не решили, что его убили.

Точная причина.

Алексей поблагодарил.

Михаил сказал, что с чудовищами было бы проще. Алексей согласился: чудовищ не приходится включать в смету, закон и список будущих обязательств.

Он поймал себя на том, что уже видит в «мертвецах» людей: трактирщика, стражника, старика у постаментов, рабочих у кузницы. Страх остался, однако перестал быть единственным способом смотреть на город.

Перед тем как вернуться в дом, Алексей ещё раз посмотрел на площадь. Мёртвые ругались из-за мокрых сапог, забытых ключей и чужой работы так же буднично, как живые. От этого город становился понятнее, хотя спокойствия не прибавлялось.

Перед сном он переписал список вопросов для Ратникова. В нём было двадцать восемь пунктов.

Первый: «Сколько людей существует в городе и в каком состоянии?»

Последний: «Что находится под княжеским домом?»

Они легли поздно.

За окном до рассвета горели фонари.

Утром Алексей проснулся от тишины.

На площади ещё были люди, но теперь они выглядели иначе. Фигуры стали прозрачнее. Некоторые двигались медленно, словно каждое действие требовало усилия. Часть лавок закрылась.

Ратников ждал у ворот резиденции.

– Теперь, – сказал он, – вы увидите стоимость города.

Утром Ратников принёс хозяйственные книги и список правил для живых гостей.

Он был коротким.

Не выходить за старую границу после полуночи без проводника.

Не переносить чужие вещи без разрешения.

Не входить в дома только потому, что они выглядят пустыми.

При внезапной слабости мёртвого не пытаться удерживать его силой и позвать городского мага.

– Почему последнее? – спросил Алексей.

– Живые иногда пытаются схватить человека, когда тот становится прозрачным. Это бесполезно и пугает обоих.

– Были случаи?

– Были.

Михаил прочитал лист.

– А правила для мёртвых гостей живых?

Ратников задумался.

– Мы редко ездили к живым.

– Значит, придётся придумать, если дорога откроется.

Алексей добавил в список ещё один пункт: правила для живых и мёртвых должны быть взаимными.

В этот же день Ратников показал старую княжескую казну. Там лежало несколько мешков монет, в основном дореформенных, часть уже не принимали по текущему курсу.

– Почему не обменяли?

– Нужен живой представитель. Сергей Павлович обменивал понемногу.

– Сколько реальной стоимости?

После пересчёта оказалось больше, чем Алексей ожидал, но меньше нужного на крупный ремонт.

Он решил отправить Михаила с частью монет в уездный банк.

– Почему я?

– Потому что мёртвый кассир туда не доедет.

– Я начинаю чувствовать свою уникальную ценность.

– Не привыкай.

Эта первая простая операция показала главный экономический барьер города: имущество и труд существовали, но без живого представителя с признанными полномочиями почти не участвовали во внешнем мире. Старый карантин позволял владельцу ввозить материалы для содержания территории и принимать редкие разрешённые поставки, но коммерческий вывоз из зоны требовал отдельного акта безопасности и указания законного производителя товара. Для мёртвого мастера такого статуса не существовало; оформлять его изделия как товар самого Сергея Павловича означало объявлять чужую работу его собственностью, принимать на себя налоги и ответственность и всё равно каждый раз получать ведомственное разрешение. Поэтому он мог снабжать город и изредка проводить отдельные заказы через живых посредников, но не мог превратить труд тысяч жителей в устойчивую внешнюю торговлю. Редкие перевозчики решали доставку, а не право распоряжаться деньгами, заключать сделки и законно выпускать товар из карантинной зоны.

Когда Михаил вернулся с современными деньгами, Ратников смотрел на мешок так, будто это был магический трюк.

– Сорок семь лет, – сказал он, – а ценность монеты всё ещё зависит от того, кто согласен её принять.

Алексей ответил:

– В этом смерть ничего не изменила.

На следующий день Алексей спросил Ратникова о гостевой записи молодого Резанова.

– Помню смутно. Был помощником при одной комиссии. Они измеряли поле у стен.

– Почему в открытых отчётах этой комиссии нет?

– Потому что после первых лет государство перестало публиковать результаты.

– Сергей Павлович не возражал?

– Возражал. Потом научился требовать копии для собственного архива.

– Поэтому здесь документов больше, чем в губернии?

– Возможно.

Ратников признал, что точных данных у него нет: его знания о поле тоже имели границы.

Алексей попросил показать переписку с комиссиями. Открытая часть содержала множество технических вопросов и почти никаких ответов о причинах катастрофы.

Сергей Павлович годами собирал картину по частям.

Алексей увидел в полях одну заметку: «Если следующий Воронцов приедет, пусть сначала разговаривает с людьми, потом с магами».

Он закрыл книгу.

Глава 6. Окна

Днём Вороньеград старел на глазах.

Ночью фасады скрывали трещины в мягком свете фонарей, улицы заполнялись голосами, мастерские открывались одна за другой. Утром оставались стены, пыль и люди, которым всё труднее было удерживать себя плотными.

Ратников повёл Алексея к северному кварталу.

– Почему здесь хуже? – спросил Алексей.

– Дальше от центральной части. Старые линии городского поля повреждены сильнее.

– Поля?

– Так называли его маги. Я не специалист.

На углу сидел старик, почти прозрачный на солнце. Он поднял руку в приветствии. За ним стоял дом с провалившейся крышей.

– Плотник Степан Круглов, – сказал Ратников. – При жизни держал мастерскую. Сейчас почти не работает днём.

– Почему не переселится ближе к центру?

– Не хочет.

– Здесь опаснее.

– Здесь его дом.

Алексей посмотрел на старика. Тот явно слышал разговор.

– Господин Круглов, – сказал Алексей, – если здание обрушится, вы сможете уйти в другое?

– Смогу, ваша милость.

– Почему не уходите сейчас?

Круглов пожал плечами.

– Сорок лет не рухнуло. Сегодня тоже постоит.

– А если нет?

– Тогда ошибся.

Ратников пошёл дальше.

– Вы не можете просто приказать переселиться? – спросил Алексей.

– Могу распорядиться освободить аварийное здание. Принудительно переместить человека сложнее.

– Почему?

– Мы не заключённые.

Алексей всё равно почувствовал раздражение: город находился в аварийном состоянии, а жители относились к риску как к личному праву.

Он сделал пометку: обследование северного квартала.

Следующим был водовод. Каменные каналы тянулись от горного источника к цистернам. Мёртвым вода почти не требовалась. Водопровод всё равно поддерживали.

– Зачем? – спросил Михаил.

Ратников ответил:

– Пожары, мастерские, чистка улиц. Кроме того, Сергей Павлович всегда говорил, что живые однажды вернутся.

– Верил?

– Иногда.

– А вы?

– Я занимаюсь трубами. Это проще веры.

У кузниц было шумнее. Здесь мёртвые работали даже днём. У горнов стояли плотные фигуры, но огонь отражался в их лицах странно. Молот бил по раскалённому железу вполне материально.

Кузнец объяснил, что старое железо они перековывают без проблем. С новым возникают трудности только в магической обработке.

– Почему?

– Живого тепла нет, – ответил он. – Железо слушается. Руны хуже.

Алексей уточнил, какие изделия город может производить на продажу.

Кузнец перечислил скобы, инструменты, гвозди, простое оружие, детали телег.

На складе Ратников показал запасы.

Железа хватало на несколько месяцев ремонта. Дровесины мало. Камня много в разрушенных зданиях, но разбирать их без обследования управляющий не рекомендовал.

– Почему?

– Некоторые жители плохо переносят разрушение мест, связанных с ними при жизни.

Алексей остановился.

– Насколько плохо?

Ратников поджал губы.

– По-разному. Иногда несколько дней слабости. Иногда потеря способности касаться предметов.

– Окончательная смерть возможна?

– Мне неизвестны подтверждённые случаи из-за одного только здания.

– То есть возможна.

– Я сказал ровно то, что знаю.

Здесь проходила первая граница: касаться её вслепую было нельзя.

– Есть реестр таких связей?

– Нет.

– Почему?

– Многие связи мы замечали случайно. Они не всегда очевидны. Люди тоже не всегда знают, что именно их удерживает сильнее.

– За сорок семь лет никто не составил список?

– Составляли списки известных случаев. Полного реестра нет.

Алексей почувствовал знакомое желание немедленно исправить систему.

– Тогда начнём.

Ратников посмотрел на него с сомнением.

– Вы ещё не князь.

– Для опроса жителей титул не нужен.

– Для их согласия тоже.

К полудню они дошли до моста.

Точнее, до того, что от него осталось.

Широкая каменная конструкция пересекала реку в узком месте. Центральная арка сохранилась, восточный пролёт просел. Деревянное покрытие сгнило почти полностью. По краю тянулась временная дорожка шириной в одну телегу.

– Этим пользуются? – спросил Алексей.

– Иногда местные жители с восточной стороны. Лёгкие повозки проходят.

– Караван?

– Нет.

Алексей спустился к опоре.

Камень был хорошим. Проблема выглядела решаемой. Нужно укрепить пролёт, заменить настил, восстановить подъезд.

Он присел, измерил трещину ладонью.

– Есть мостовые мастера?

– Трое, – ответил Ратников. – Один был помощником инженера при строительстве нового пролёта за десять лет до катастрофы.

– Материалы?

– Камень есть. Железо ограничено. Древесину придётся покупать или заготавливать за старой границей.

– Мёртвые не могут выйти за ней?

– В лесу на юге часть может работать недолго. До хороших делянок далеко.

Алексей поднялся.

В голове уже складывалась цепочка: кредит на первый ремонт, древесина из ближайшей живой деревни, мост, возврат части караванов, сборы, новые материалы.

Михаил заметил выражение его лица.

– Вот сейчас ты окончательно решил.

– Ещё нет.

– Ты стоишь перед разваленным мостом и выглядишь счастливее, чем вчера при виде пяти тысяч мертвецов.

– Мост понятен.

– Люди обычно сложнее камня.

– Это я уже заметил.

Возвращались другой дорогой.

У маленькой площади стояло закрытое здание с выцветшей вывеской: «Белова. Хлеб и выпечка».

Перед дверью сидела женщина лет сорока. Она держала в руках старую корзину.

– Марфа Петровна, – сказал Ратников. – Один из представителей южного квартала.

Женщина встала.

Она была плотнее многих мёртвых, которых Алексей видел днём. Волосы собраны под платком, рукава закатаны, будто она только что вышла из кухни.

– Новый Воронцов? – спросила она.

– Предполагаемый.

– Значит, ещё можете передумать.

– Могу.

Марфа кивнула на улицу.

– Лучше сейчас, чем через год.

Ратников нахмурился.

– Марфа Петровна.

– Что? Старый князь тоже говорил, что всё поправит.

Алексей не знал, о каком именно князе речь.

– Что вы хотите от нового владельца?

Женщина посмотрела на закрытую пекарню.

– Чтобы живые вернулись.

– Почему?

– Хлеб кому печь?

Вопрос был задан так просто, что Алексей не сразу ответил.

– Мёртвые не едят?

– Можем попробовать. Вкуса почти нет. Смысла ещё меньше.

Она провела ладонью по облупившейся двери.

– Я пекла тридцать лет. Потом умерла. Ещё сорок семь лет прошло. Печь стоит, руки помнят, а хлеб никому не нужен.

– Если дорога заработает, сюда будут приезжать торговцы.

Марфа перевела взгляд на него.

– Вы правда хотите открыть тракт?

– Сначала надо понять цену ремонта.

– Значит, хотите.

Михаил тихо фыркнул.

Марфа впервые улыбнулась.

– Хоть один человек здесь понимает князя.

Из соседнего переулка вышел мужчина моложе неё, с теми же широкими скулами.

– Марфа, Ратников опять водит проверяющих?

– Наследника.

Мужчина остановился.

– Тогда хуже.

– Пётр Белов, – представился он. – Брат этой женщины и человек, который советует вам не верить всему, что она говорит.

– Особенно про него, – сказала Марфа.

Пётр протянул руку.

Алексей пожал её. Рука была холодной, но плотной.

– Если будете чинить мост, возьмите меня, – сказал Пётр. – Я работал каменщиком.

– Вы можете работать днём?

– Могу. Медленнее живого, зато обед не нужен.

Марфа толкнула брата локтем.

– Не продавайся дёшево.

– Я умер. Карьерные требования снизились.

Алексей усмехнулся.

Пётр оказался первым мёртвым, рядом с которым невозможность города на минуту отступила.

Вечером Алексей снова открыл хозяйственные книги.

Теперь за цифрами появились лица.

Но вывод от этого не стал мягче.

Город медленно разрушался. Старые поставки Сергея Павловича только замедляли процесс. Без внешнего дохода Вороньеград через несколько десятилетий потеряет ещё кварталы, мастерские и мост.

Алексей вывел на отдельном листе стоимость первого ремонта.

Сумма была большой.

Меньше первого долгового платежа.

И впервые за четыре дня решение о наследстве стало похоже на риск, который можно посчитать.

После осмотра моста Ратников повёл их в городской архив открытого доступа.

Здесь хранились карты улиц, списки домов и переписи до катастрофы. Алексей первым делом сравнил прежнюю численность с нынешней.

До аварии в самом Вороньеграде постоянно жило около двадцати двух тысяч человек. Государственная цифра погибших была выше, потому что отчёт учитывал всю центральную зону: гарнизон, персонал проекта, приезжих и ближайшие поселения.

Сейчас устойчивых мёртвых меньше пяти тысяч.

– Остальные? – спросил он.

Ратников ответил без привычной сухости:

– Часть погибла и не появилась снова. Часть исчезла в первые годы. Некоторых вывезли живыми до полного закрытия города. Несколько сотен смогли уйти позже, пока поле было другим. Точных цифр нет.

– Почему поле изменилось?

– Не знаю.

– Вы часто это говорите.

– Сорок семь лет рядом с неизвестной магией учат осторожности.

В архиве лежали списки исчезнувших. Алексей перелистал несколько страниц и заметил примечания: «после пожара дома», «после вывоза личных вещей», «причина неизвестна».

– Это те случаи, о которых вы говорили?

– Да.

– Почему не исследовали системно?

Ратников нахмурился.

– Исследовали. Разные маги давали разные выводы. Сергей Павлович возобновлял работу несколько раз. После опасных опытов прекращал.

– Какие опасные?

– Один человек едва не исчез, когда пытались искусственно перенести его связь с домом на предмет.

Алексей сразу записал.

– Значит, перенос невозможен?

– Я сказал только об одной попытке.

– Хорошо.

На выходе их догнал Самойлов. Старый маг слышал часть разговора.

– Если собираетесь составлять реестр связей, не обещайте людям, что мы найдём их якорь.

– Почему?

– Потому что иногда мы ошибаемся. Человек чувствует себя лучше возле дома и решает, что дом держит его. Потом дом сгорает, а он остаётся. Настоящая связь была с чем-то другим.

– Термин «якорь» ваш?

– Нет. Приезжий маг придумал лет двадцать назад. Прижился.

– Ратников его не любит.

– Ратников не любит слова, которые звучат точнее знаний.

Алексей впервые увидел в этом качестве управляющего пользу: оно спасало от ложной уверенности, хотя прежде лишь раздражало.

После архива они зашли в старую школу. Там продолжались занятия.

Мёртвые дети выглядели почти такими же, как взрослые, только навсегда остались в возрасте смерти. Алексей спросил учительницу, почему они продолжают учиться.

– Потому что день всё равно приходит, – ответила она. – Даже если ты не растёшь.

Один мальчик поднял руку.

– А новый князь откроет дорогу?

– Надеюсь.

– Тогда будут новые книги?

– Если заработаем деньги.

– Я думал, князя просто покупают.

Михаил засмеялся.

– Вот, Алексей. Наконец человек правильно понимает устройство власти.

Дети тоже засмеялись.

Алексей запомнил этот разговор. Деньги, которые он считал инструментом ремонта, вдруг означали новые книги для детей, которые никогда не вырастут.

Он не стал делать из этого великий вывод.

Просто добавил школьные расходы в будущий бюджет.

К вечеру Алексей попросил показать кладбище.

Оно находилось за северной церковью. Могилы были старые, многие без тел: во время катастрофы людей хоронили наспех или вовсе не успевали.

Самая странная часть состояла в том, что некоторые мёртвые приходили ухаживать за собственными могилами.

Михаил остановился перед женщиной, который поправлял ограду вокруг плиты со своим именем.

– Простите, – сказал он. – Можно спросить?

– Можно.

– Зачем?

Мужчина пожал плечами.

– Жена лежит рядом. Она не вернулась после смерти. Я ухаживаю за обеими могилами.

– А ваша?

– Чтобы место не выглядело заброшенным.

Михаил больше не спрашивал.

Смерть здесь не была общей судьбой: одни сохранились, другие исчезли сразу, и кладбище оставалось местом тех, кого рядом больше не было.

Ратников показал участок с десятками пустых плит без дат окончательного исчезновения.

– Мы не всегда знаем, когда человек ушёл окончательно. Некоторые просто переставали появляться.

– И никто не искал?

– Искали. Иногда годами.

Алексей предложил вести отдельный реестр окончательных уходов; его сразу включили в обязательные городские записи.

Осматривая слабые районы, Алексей заметил, что городские фонари горят на старой магической системе и почти не требуют масла.

Ратников объяснил: часть инфраструктуры питается тем же полем, что удерживает мёртвых.

– Значит, если поле отключить, погаснут фонари?

– И ещё несколько механизмов: насосы, часть ворот, обогрев старых общественных зданий.

– Это важно.

– Поэтому старые князья не могли просто «выключить проклятие», даже если бы знали как.

Алексей добавил в список рисков зависимость водовода и части городской инфраструктуры от контура.

На следующий день Самойлов уточнил: механизмы можно перевести на обычные источники, если найти деньги и время.

Алексей сразу включил в долгосрочный бюджет замену критических систем на независимые.

Сначала насос северной цистерны, потом ворота.

Глава 7. Население

Утром Алексей попросил Ратникова собрать данные по жителям.

– Какие именно?

– Численность, профессии, способность работать днём, известные ограничения, состояние жилья.

Управляющий слушал молча.

– Имена тоже, – добавил Алексей.

– Разумеется.

– Я уточнил потому, что в ваших старых ведомостях часть людей проходит номерами участков.

– Это адреса, не номера людей.

Алексей показал строку.

Ратников посмотрел и признал:

– Здесь вы правы. Плохая форма.

– Переделаем.

– Вы всё ещё не приняли наследство.

– Если откажусь, оставляю вам удобный реестр.

Ратников едва заметно улыбнулся.

Перепись началась в ратуше. Алексей ожидал канцелярскую работу. Получился городской праздник, которого никто не планировал.

Люди приходили целыми семьями, спорили о возрасте, требовали исправить старые записи. Некоторые называли профессии, которых уже не существовало. Один мастер утверждал, что он «смотритель второй паровой мельницы», хотя от мельницы остался фундамент.

– Профессия должна отражать то, что человек умеет сейчас, – сказал Алексей.

– Я умею смотреть за мельницей.

– Мельницы нет.

– Это временное обстоятельство.

Михаил за соседним столом прикрыл рот ладонью.

К полудню Алексей понял, что сухой реестр ничего не даст без разговоров.

Стражник, числившийся неспособным к тяжёлому труду, мог часами нести караул ночью.

Швея, отмеченная как слабая, отлично работала руками при дневном свете. Старый инженер почти не мог выйти из дома, зато помнил схемы мостов лучше всех.

Главная сложность была в другом.

Мёртвые не воспринимали своё существование как единое состояние.

Кто-то говорил о смерти спокойно. Кто-то избегал слова. Кто-то считал себя обычным человеком с неприятным ограничением. Несколько жителей прямо спросили, собирается ли новый князь «разрешить им уйти».

Алексей не понял.

– Что значит разрешить?

Женщина лет пятидесяти ответила:

– Некоторые хотят, чтобы их вещи уничтожили. Ратников запрещает без проверки.

– Почему?

– Потому что мы не знаем последствий. Уничтожение связанного предмета иногда ослабляет человека. Бывали исчезновения после пожаров, но причинность не доказана.

– Люди исчезали окончательно?

– Да.

Это противоречило более осторожной формулировке вчера.

Алексей отложил перо.

– Вы сказали, подтверждённых случаев из-за одного здания нет.

– Из-за здания нет. После пожаров уничтожалось сразу много вещей. Мы не знаем, что именно было причиной.

– Значит, окончательная потеря возможна.

– Да.

– И вы считали это недостаточно важным для первого разговора?

Ратников выдержал его взгляд.

– Я считал опасным давать вам упрощённое правило, которого мы сами не понимаем.

Алексей хотел возразить, но остановился: неточное правило тоже способно убить.

– Тогда до проверки ничего не разбираем, – сказал Алексей. – Ни дома, ни личные вещи умерших.

– В городе каждый день что-то разрушается само, – заметил Ратников.

– Поэтому начнём с аварийных объектов.

Разговор услышали окружающие.

К вечеру по городу распространилась версия, что наследник собирается запрещать людям ремонтировать собственные дома. Пришлось созвать представителей кварталов и объяснять заново.

Корнев появился ближе к вечеру.

Григорий Корнев выглядел лет на тридцать пять. На форме не было княжеских вензелей, только старый городской знак на воротнике. Он говорил спокойно, но держался так, будто каждый разговор был проверкой.

– Вы запретили разбор аварийных домов?

– До обследования.

– Северная стена дома Круглова может упасть этой ночью.

– Я видел её. Переселите жильцов.

– Круглов отказывается.

– Тогда выведите силой.

Корнев посмотрел на него.

– На каком основании?

– Угроза жизни.

– Он мёртв.

Алексей замолчал.

Корнев продолжил:

– Его существованию. Формулировка пока неизвестна. В городских правилах нет статьи для того, что мы собой представляем.

– Вы предлагаете смотреть, как дом падает?

– Я предлагаю поговорить с ним до приказа.

Алексей почувствовал раздражение. В его прежней работе опасное здание имело простой статус. Здесь даже слово «жизнь» требовало уточнения.

Они пошли к Круглову.

Старик встретил их у дома.

– Переезжать не буду.

– Почему? – спросил Алексей.

– Ночью здесь плотнее.

– Что?

– Я. В своём доме мне легче. У Ратникова в новом помещении слабее становлюсь.

В реестре этого не было.

Алексей осмотрел стену.

– Если укрепим снаружи и не будем разбирать внутреннюю часть?

Круглов подумал.

– Попробовать можно.

Корнев кивнул.

– У меня есть двое плотников.

– Берите материалы со склада, – сказал Алексей.

Ратников, стоявший рядом, тихо напомнил:

– Вы не имеете права распоряжаться складом.

Алексей выдохнул.

– Тогда кто имеет?

– До вступления наследника в права городской совет временного управления. Я могу запросить выдачу.

– Сколько времени?

– Полчаса.

– Запрашивайте.

Корнев посмотрел на него уже без прежней холодности.

– Вы привыкли, что подписи достаточно?

– Обычно да.

– Здесь придётся привыкнуть к людям между подписью и результатом.

Алексей не ответил.

Стена простояла ночь. Укрепление сделали без разрушения дома.

Утром Круглов выглядел плотнее.

Случай записали как наблюдение, не как доказательство правила.

К концу второго дня переписи у него было почти две тысячи карточек и гораздо больше вопросов.

Вечером он попросил Ратникова показать городской совет.

– Зачем?

– Хочу понять, кто управляет городом, пока нет князя.

– Формально совет квартальных представителей, стража и канцелярия. У совета сохранилась городская печать: по старому уставу без неё нельзя отчуждать муниципальное имущество и менять часть общих городских механизмов. Князь управляет владением, но не заменяет этой печатью городскую.

– Фактически?

Ратников подумал.

– Фактически мы спорим, пока кто-нибудь не устанет.

– Значит, система живая.

– Уместное слово.

Алексей собрал бумаги.

Он приехал оценить имущество.

Теперь имущество спорило с ним, отказывалось переезжать, требовало точных формулировок и помнило сорок семь лет событий, которых он не знал.

И почему-то интереснее.

Через три дня переписи Алексей начал замечать ещё одну проблему: люди старались давать ответы, которые, по их мнению, хотел услышать князь.

Старый кузнец завышал свою дневную устойчивость, чтобы попасть в список мостовых рабочих. Женщина из северного квартала скрыла, что почти не может выходить из дома, потому что боялась переселения. Двое стражников отрицали слабость после длинной смены.

– Реестр превращается в конкурс полезности, – сказал Михаил.

– Почему?

– Потому что все видят, что ты собираешься вкладывать деньги в тех, кто может работать. Он действительно начал с трудоспособности.

– Добавь потребности, – сказал он.

– Какие?

– Ремонт жилья, медицинские или магические проблемы, помощь с перемещением. И убери графу «полезность» из внутренней сводки.

– Она называется «производственный потенциал».

– Тем более убери.

Михаил улыбнулся.

Ратников возражал против расширения переписи.

– Мы не потянем все запросы.

– Зато будем знать масштаб.

– Знание создаёт ожидания.

– Незнание не убирает проблемы.

– Иногда позволяет пережить зиму.

Разница проявлялась именно здесь. Ратников сорок семь лет управлял дефицитом и привык выбирать, какие беды считать видимыми. Алексей пока верил, что полная картина делает управление лучше.

Он записал вопрос отдельно. Сведения сами по себе ничего не решали, пока кто-то не определял, что с ними делать.

Но сейчас реестр оказался полезным.

Выяснилось, что пятнадцать домов могут обрушиться в ближайший год, три десятка жителей нуждаются в переносе к более устойчивым районам, а у городского колодца в западном квартале есть связь с шестью мёртвыми.

Последнее обнаружили случайно: во время очистки колодца все шестеро почувствовали слабость.

Работы немедленно остановили.

– Что именно связано? – спросил Алексей.

Самойлов проверил каменную кладку, ведро, старую цепь.

– Не знаю. Может, сам колодец как место.

– Значит, ничего не менять без наблюдения.

Случай добавили к другим наблюдениям о связи мёртвых с местами и вещами.

Корнев предложил поставить возле таких объектов знак.

Михаил придумал простой символ: круг с вертикальной чертой.

Через неделю такие знаки появились на нескольких домах, кузнице и колодце.

Жители быстро начали называть их «якорными метками».

Ратников ворчал, но признал удобство.

Перепись закончилась не числом населения.

Она закончилась картой уязвимостей города.

Алексей повесил её в кабинете рядом с картой дороги.

Теперь у него было два Вороньегграда: тот, который можно было восстановить камнем и деньгами, и тот, который держался на непонятных связях людей с прошлым.

Ошибка состояла бы в том, чтобы считать эти карты независимыми.

Пока Алексей только начинал это понимать.

В ходе переписи возник конфликт с бывшими дворянами города.

Несколько семей считали, что их старые сословные привилегии сохраняются после смерти. Они требовали не включать себя в общий список трудовых возможностей и претендовали на места в совете по наследственному праву.

Алексей не ожидал, что первая борьба за статус в Мёртвом городе будет настолько обычной.

– Ваши привилегии основывались на имперском законе, – сказал он. – По нему вы официально умерли.

– Тогда и княжеский титул ваш ничего не значит, – ответил старый барон.

Хороший удар.

Ратников предложил восстановить дореволюционный порядок совета. Корнев был против.

Алексей выбрал процедуру: старые титулы признаются как имена и семейная история, но места в городском совете определяются действующими правилами кварталов, а не дореформенными привилегиями.

Барон потребовал обжалование.

– У кого?

– У князя.

– Я только что вынес решение.

– Тогда у губернии.

– Вы хотите, чтобы живая губерния определяла состав совета мёртвого города?

Барон задумался и отказался от идеи.

Старые сословные конфликты пережили катастрофу. За десятилетия город привык жить без прежней вертикали; одной фамилии для её восстановления уже не хватало.

Перепись выявила и людей, которые вообще не хотели участвовать в восстановлении.

Около двухсот жителей жили почти изолированно. Кто-то устал от городской политики. Кто-то считал само посмертное существование ошибкой. Кто-то просто предпочитал покой.

Ратников раньше почти не включал их в хозяйственные планы.

Алексей сначала спросил:

– Почему не привлечь? Рабочих не хватает.

Корнев ответил:

– Потому что они не хотят.

– Городское обязательство?

– При жизни были повинности. После смерти люди однажды просто перестали выполнять. Некому было заставить тысячи мёртвых работать.

Алексей задумался.

Он мог восстановить повинность княжеским правом, но политическая цена была очевидной, а моральная – ещё выше.

– Оставляем добровольный найм.

– Даже на аварийных работах?

– Для чрезвычайной ситуации отдельное правило. В обычное время да.

Правило ограничивало власть князя в обычных спорах. Даже законный приказ не отменял права жителя отказаться от личного решения.

Перед первым советом Ратников предупредил Алексея о двух вещах.

– Корнев вас не любит.

– Мы не знакомы.

– Ему достаточно фамилии.

– Вторая?

– Совет не является официальным органом имперского права.

– Тогда что это?

– То, что получилось, когда официальный орган умер вместе со всеми.

За сорок семь лет город выстроил собственный порядок. Районы выбирали представителей. Ремесленные цехи отправляли старших. Стража сохранила командование. Ратников держал архив и хозяйство.

Князь Сергей Павлович приезжал как владелец земли и источник материалов, но почти не вмешивался в ежедневное управление.

– Почему?

– Сначала боялся. Потом понял, что жители не хотят возвращения старого порядка.

Алексей спросил:

– И всё равно называли его князем?

– Титул никто не отменял.

Этот баланс интересовал его больше, чем церемонии.

На совете Корнев сразу проверил границы.

– Вы собираетесь распускать стражу?

– Нет.

– Назначать нового командира?

– Пока нет.

– Вводить налоги?

– Без дохода налоги бессмысленны.

Старший мастер усмехнулся.

– Хороший ответ.

Казначей спросил о долгах рода.

Вот это стало неожиданностью.

– Вы знаете?

– Сергей Павлович не скрывал от меня книги.

– Сколько?

Казначей назвал сумму почти точно.

Алексей почувствовал уважение к покойному родственнику. Тот, по крайней мере, не превращал финансовую проблему в семейную тайну.

Совет хотел знать, собирается ли новый князь продавать землю.

Алексей ответил:

– Если город невозможно содержать, придётся рассматривать любые законные варианты.

Корнев сразу сказал:

– Вот поэтому я не признаю вас правителем.

Ратников вмешался:

– Капитан.

Алексей поднял руку.

– Пусть закончит.

Корнев продолжил:

– Земля для вас имущество. Для нас предел мира. Вы можете продать участок и уехать.

Мы, возможно, не сможем пересечь новую границу.

Алексей не думал об этом.

Если юридическая граница княжества изменится, магическая изменится тоже или нет?

Никто не знал.

Он записал вопрос.

– До проверки этого я не буду продавать землю, которая входит в старую границу города.

Корнев нахмурился.

– Обещаете?

– Запишите в протокол.

Ратников записал.

После совета Корнев подошёл отдельно.

– Я всё равно вам не доверяю.

– Я заметил.

– Но за запись спасибо.

– Не за что.

– Есть за что. Сергей Павлович такое тоже делал.

– Что именно?

– Соглашался связывать себя бумагой, когда мог просто приказать.

Корнев впервые отозвался о Сергее Павловиче без неприязни, и Алексей снова вернулся к вопросу: что тот искал в городе?

Первый городской совет Алексей назначил на девять утра. Ратников предупредил, что для части жителей это неудобно.

– Почему?

– Днём они слабее.

– Насколько?

– По-разному. Я могу работать. Некоторым трудно говорить дольше нескольких минут.

Алексей перенёс совет на вечер.

Вчера Алексей ещё не знал об этом свойстве мёртвых. Сегодня оно уже изменило принятое решение.

Днём они с Михаилом проверяли книги. Цифры оказались достаточно подробными, чтобы вызвать доверие, и достаточно странными, чтобы постоянно его разрушать. В графе населения стояли пометки: «ослаблен», «не выходит из дома», «связь нестабильна», «перемещён в северный квартал».

– Что значит связь? – спросил Алексей.

Ратников ответил после короткой паузы:

– Мы называем так зависимость от города. Точного научного термина у нас нет.

– От города вообще?

– Иногда от района. Иногда от конкретного места.

– Вы знаете почему?

– Нет.

Вчера Ратников казался человеком, способным объяснить всё; теперь оказалось, что город десятилетиями живёт внутри механизма, который понимает только по наблюдениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.